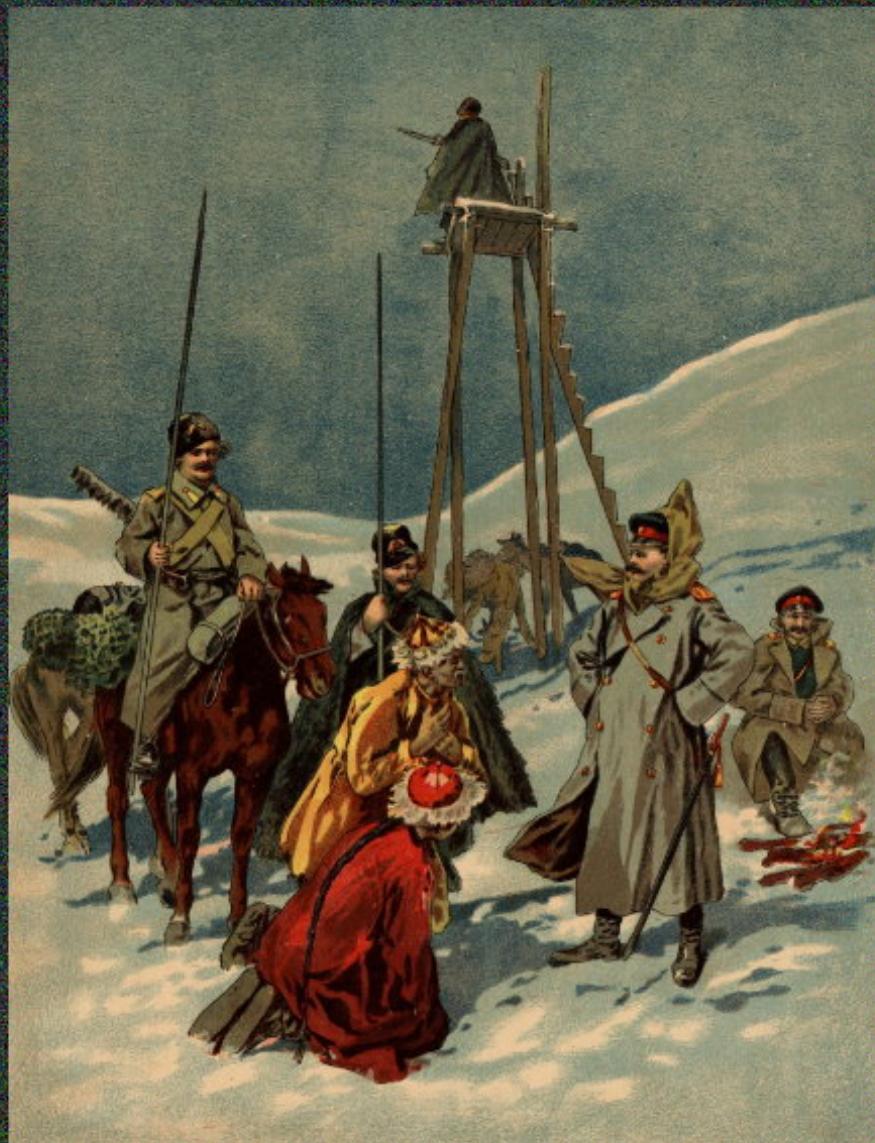

[Polaris]

ВИКТОР КОЗЛОВ

СТРАНД ЭКЗОТИКИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССII

Salamandra P.V.V.

**Виктор
КОЗЛОВ**

**СТРАНА
ЭКЗОТИКИ**

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Козлов В. Д.

Страна экзотики. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 28 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССР. Факсимильное изд.).

Действие приключенческой повести В. Д. Козлова «Страна экзотики», впервые опубликованной в 1912 г., разворачивается на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны.

**СТРАНА
ЭКЗОТИКИ**

и японской почты принесли цыльный букетъ подробностей.

Парисовазась такая картина: Томасъ Тринклеръ больше шести лѣтъ проживалъ въ Китаѣ и на русскомъ Дальнемъ Востокѣ. Дѣла его, благодаря связямъ и кредиту въ Санъ-Франциско, сразу же пошли блестяще, онъ велъ крупныя операции со многими торговыми фирмами. Нѣсколько разъ за эти бѣлѣтъ Тринклеръ бывалъ въ Америкѣ и въ одну изъ поездокъ женился на красивой женщинѣ, вдовѣ коммерсанта, богатой и молодой. Но какимъ-то обстоятельствамъ Клара Тринклеръ не могла переселиться къ мужу въ Портъ-Артуръ. Они сѣдали свадебную прогулку по Китаю, затѣмъ, послѣ годовой разлуки, мужъ Ѵздили къ женѣ въ Америку, а въ прошломъ году г-жа Тринклеръ прѣѣхала въ Шанхай, гдѣ они прожили половину лѣта, очень радушно принятые европейской колоніей. Судя по рассказамъ, молодая женщина нѣсколько разъ бывала въ Россіи и прекрасно знала Китаѣ, въ послѣдніе годы особенно интересуясь имъ. Еще съ первымъ мужемъ она неоднократно посѣщала Пекинъ и даже удостоилась рѣдкой чести быть представлена императрицѣ въ боярскомъ дворѣ. О своемъ окончательномъ прѣѣздѣ въ Портъ-Артуръ г-жа Тринклеръ извѣстила мужа за два мѣсяца. Онъ ждалъ. Его друзья встрѣтили американку въ Шанхайѣ съ цветами, торжественно проводили изъ парохода, отходящаго въ русскую столицу Маничжуріи... Иначе не предѣшало катастрофы. Встрѣча съ мужемъ была очень сердечна и, благодаря любопытному участію многочисленныхъ знакомыхъ, помнезна. Всѣ видѣвшіе американку на артурской пристани нашли ее прелестной. Такъ какъ Портъ-Артуръ былъ весьма бѣденъ женщинами и всѣхъ городскихъ дамъ знали наперечетъ, то о прѣѣздѣ г-жи Тринклеръ говорили, какъ о событии. А на слѣдующее утро она вышла погулять, сказала прислугѣ, что вернется къ двухчасовому завтраку, и съ той минуты всѣ ея слѣды рѣшительно обрывались.

Въ главной конторѣ «Торгового дома Томасъ Тринклеръ и К°» царило вполнѣ естественное оживленіе. Съ жгучимъ любопытствомъ служащіе набрасывались на шанхайскія газеты, а черезъ восемь дней послѣ происшествія они первые разнесли по городу вѣстъ, что патронъ объявилъ премію въ 5.000 руб. тому, кто укажетъ хотя бы слѣдъ пропавшей женѣ.

Лишь Рудольфъ Германовичъ Пиргель, завѣдующій иностранной корреспонденціей торгового дома, хранилъ спокойствие. Какъ честный рижскій нѣмецъ, онъ считалъ пустяками абсолютно все, что не имѣло отношенія къ его контрактнымъ обязанностямъ.

Въ восемьмомъ часу вечера Рудольфъ Германовичъ сложилъ свои бумаги въ буру, заперъ тщательно на ключъ и поставилъ у кассира:

— Неужели пять тысячъ?

— А какъ же, ровно пять — конечка въ

конечку, — отвѣтилъ тотъ живо. — Еще бы, такое несчастіе!

Обыкновенно, какъ добродѣтельный семьянинъ, Пиргель со службы шелъ домой. Сегодня же его потянуло на бульваръ. Онъ вспомнилъ, что жена, Берта Людвиговна, получила опять бесплатный билетъ въ оперетку и все равно придется одному сидѣть весь вечеръ.

Майскій день красиво умиралъ. Играли военная музыка и по аллейкамъ крошечнаго бульварика гуляла молодежь, преимущественно военная.

— А вѣдь куда нибудь эта г-жа Тринклеръ дѣлась же, — думалъ Пиргель, сидя на скамейкѣ. — Вотъ бы узнать!..

Какъ то сама собою мысль его взяла подъ руку американца-патрона и прошавшую американку, а пятитысячный посулъ зашуршалъ въ карманѣ новенькими бумажками. Думалось такъ:

— Гм... Что же здѣсь собственно невѣроятнаго!.. Иду я, скажемъ, домой обѣдать — вѣдругъ, слѣдъ! И очень просто. Если даже эта странная женщина провалилась сквозь землю, такъ и то должна оставаться дырка... Почему эту дырку суждено найти другому, а не мнѣ?..

Солнце зашло и изъ-за краистой массивной горы видимо старалось падуть почтенную публику: ослѣпительно зажгло вершину края прошальнымъ лучами, отчего простые камни и глина стали похожими на сверкающее золото. Эти штуки оно проѣдало довольно долго, но никто не поймался на удочку. Можно было подумать, что, не найдя среди артурцевъ ни одной наивно-довѣрчивой души, солнце разгневалось и послало городу хмурыя сумерки. Жалко замигали фонари, черные улицы казались провалами въ какое то подземное царство. Стало жутко. Пиргель ужиналъ въ ресторанѣ «Саратовъ» и даже позволилъ себѣ кутежъ въ видѣ четырехъ бутылокъ пива. Чуть-ли не впервые со дня прѣѣзда жены онъ отправился домой послѣ полуночи. «Саратовъ» находился на набережной бухты и здѣсь сравнительно было освѣщено, но уже начиналъ съ Театральной улицы Рудольфъ Германовичъ вступилъ въ сплошной мракъ. Шагая изнѣсть и по чутью, Пиргель опять размечтался о пяти тысячахъ. Не обладая пылкой фантазіей, онъ рисовалъ открытие слѣдовъ просто:

— Ну, вотъ хотя бы то окно... Сѣдѣлъ случайно на дорогѣ, и проходилъ, заглядывалъ — лежитъ связанный женщина... Только и всего, пожалуйте денежки! Или, напримѣръ, такъ: убийцы везутъ трупъ г-жи Тринклеръ, чтобы бросить куда нибудь въ каналъ, а мнѣ какъ разъ нужно проходить мимо канала. Стоять, голубчики! Попались... И вполне возможно, потому что теперь ночь, а этаѣдѣла когда-же и дѣлаются, какъ во ночью.

Размыслилъ такимъ образомъ, Пиргель перешелъ каналъ по Саперному мосту и очутился въ улицѣ еще глушѣ, еще темнѣй, чѣмъ пройденная. Мягкимъ, пущистымъ

воздромъ сталаась уличная пыль, перетерта ногами и колесами, какъ тонкая пудра. Ни звука, ни огней. Скученныя китайскія фазы, приспособленныя артурцами подъ европейское жилье, казутся мрачными и зловѣщими. И вѣдругъ въ этой напряженной, притянутой тишинѣ пропеселъ шумъ. Пиргель простоялъ и вытянувшись. Шумъ повторился, раздалась сдержаннѣе голоса и коротко прѣдѣзжалы колеса. Будь это въ другое время, честный нѣмецъ, возможно, не обратилъ бы вниманія. Шумъ — и пусть ихъ. Но теперь фантазія его была настроена въ сторону самыхъ необычайныхъ приключений. Переѣхавъ черезъ улицу, Пиргель притавился, не рѣшалъ заглянуть за уголъ, боясь выдать себя даже дыханіемъ. Онъ открылъ и зажаль въ руки перочинный ножъ — единственное свое оружіе. Нѣсколько минутъ изъ-за угла раздавался все тотъ же глухой шумъ, а затѣмъ необыкновенно громко и рѣзко пронесся женский крикъ, сразу же заглушенный.

— Она! Похищенная американка! — мелькнула мысль въ мозгу Рудольфа Германовича.

Воображеніе съ поразительной ясностью нарисовало, какъ ее волокутъ куда то, какъ она рвется изъ сильныхъ рукъ, какъ грубая ладонь зажимаетъ ей ротъ. Всі нѣмецкая уравновѣшенностъ и все хладнокровіе, пытавшіе лѣтъ тренировавшіеся на канцелярской перепискѣ, — полетѣли къ черту. Съ крикомъ зажатымъ ножомъ въ руки Пиргель побѣжалъ въ переулокъ.

— Помогите!.. Карапузъ! — закричалъ онъ дикимъ голосомъ и бросился изъ какихъ то людей.

Случилось все съ необыкновенной быстрой. Пиргель не успѣлъ даже разсмотреть, сколько у него противниковъ. Замѣтилъ лишь, что два или три, а можетъ быть и четыре человѣка кого то несутъ, надѣль чѣмъ то кошачатся. Съ разбѣга онъ налетѣлъ на нихъ, ткнувъ близкаго обѣими руками въ спину и, снова услышавъ женскій вопль, ударилъ другого пожомъ. Въ слѣдующій моментъ отъ здоровенной затреции у него замелькали въ глазахъ огни. Какъ сквозь сонъ храброму нѣмцу почудилось, что кто то еще разъ оглушилъ его ударомъ въ голову.

— Карапузъ! — хотѣлъ онъ крикнуть, но слово вырвалось наружу жалкимъ стономъ.

— Конецъ... убили! — мелькнуло послѣднѣмъ соображеніемъ.

Впрочемъ, впослѣдствіи Рудольфу Германовичу казалось, что память его сохранила и то, какъ чѣмъ то саночку съ сѣлой обрушился ему на голову, и то, какъ начинные бандиты свалили свою ношу въ склонъ, и даже визгъ женщины, смѣшавшейся со стукомъ разбитой пролетки и понесущей гдѣ то вдали.

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.

I.

Въ весеніе дни, за нѣсколько лѣтъ передъ русско-японской войной, Портъ-Артуръ былъ изволованъ загадочнымъ событиемъ: пропала безъ вѣсти жена крупнаго коммерсанта, американского подданнаго, Томаса Тринклера.

Хотя въ то время Конопъ-Дойль еще не пользовался нынѣшней популярностью, но гдѣ и когда не было Шерлокъ-Холмсовъ? Обѣ исчезновеніи г-жи Тринклеръ говорили въ ресторанаѣ, на улицахъ, въ конторахъ, за столиками кафе. Дописывались, дѣлали предположенія, выуживали откуда-то новые и новые факты. Мѣстная газета хранила молчаніе, шанхайская же

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

П.

Штабъ-ротмистръ Андрей Иаковлевич Погожевъ проснулся поздно и скучающими глазами посмотрѣлъ сначала въ окно, потомъ за стѣны, расписанные прихотливымъ узоромъ изгеми и сырости.

—Лучшая гостиница, чортъ бы ее взялъ, —бормоталъ онъ вздохъ и зевнулъ.—Эй, бой! Давай воды, что ли.

Китасецъ-бой явился съ тѣмъ выражениемъ полусерьезности—полуиспуга, съ какимъ всегда китайская прислуга относится къ русскимъ, особенно къ военнымъ.

Умывался, Погожевъ недовольно фыркаль. Но създніе дни онъ чувствовалъ себѣ скверно. Ничто не удавалось—словно говорились всѣ хѣль ему, штабъ-ротмистру Погожеву, на зло. Прѣѣхалъ въ Портъ-Артуръ съ расчетомъ застать генерала Круглова, а тѣтъ, оказалось, въ отпускѣ. Матиль занять вакантную должность артурского полицеимейстера и искакалъ досады думаетъ:

—Недурно, чортъ возьми! Мечтаю стать полицеимейстеромъ, а къ главному сопернику бѣду просять денегъ. Ничего сказать, похвальное поведеніе!

Однако хмурые мысли не думаются. Какая то молодая дама внимательно смотрѣть въ его сторону, и Погожевъ слегка приподнялся плечи, а голова его сама собою нѣсколько откѣдалася назадъ. Онъ больше штабъ-ротмистръ не станетъ разыгрывать дурака. Иначе, какъ командиромъ сотни, онъ изъ Артура не уѣдетъ. Иль только дадутъ повадку—готовы хоть на голову сѣсть!..

—Чего лѣшь мимо, болванъ!—сердито окрикиваетъ Погожевъ бойку. Тотъ пугливо жмется и еще больше проливается на полъ.

—Фу, образина! Пошелъ вонъ!

Андрей Иаковлевич бросается и ругается кривое зеркало, затѣмъ фыркаетъ на дураній одеколонъ, попавший въ глазъ. Просто «до противности» не везетъ штабъ-ротмистру Погожеву!..

—Бой! А сапоги?—причить онъ изъ гостиницъ и когда сапоги поданы, то подъ носъ ворчить.—Лучшая въ городе, пять цѣновыхъ въ сутки, а звонковъ нетъ.. Только шкуру умлютъ дратъ, подлецы...

На улицѣ настроеніе нѣсколько исправляется. Снуютъ прохожіе, яркое солнце все скрашивается, на всемъ рѣшительно—блѣдно скверно. Ничто не удавалось—словно говорились всѣ хѣль ему, штабъ-ротмистру Погожеву, на зло. Прѣѣхалъ въ Портъ-Артуръ съ расчетомъ застать генерала Круглова, а тѣтъ, оказалось, въ отпускѣ. Матиль занять вакантную должность артурского полицеимейстера и искакалъ досады думаетъ:

—Развѣ отыскались слѣды?

—Еще не знаю. Кажется.. Да ты садись и все услышишь самъ.. Эй, дежурный! За Тринклеромъ послази?

—Онъ здѣсь. Идетъ.

—Прости въ кабинетъ и приведи арестованного.

Американецъ Тринклеръ, высокий, прямой, молодой дама внимательно смотрѣть въ его сторону, и Погожевъ слегка приподнялся плечи, а голова его сама собою нѣсколько откѣдалася назадъ. Онъ больше штабъ-ротмистръ не станетъ разыгрывать дурака. Иначе, какъ командиромъ сотни, онъ изъ Артура не уѣдетъ. Иль только дадутъ повадку—готовы хоть на голову сѣсть!..

—Что же онъ собственно говорить?—быстро спросилъ Тринклеръ.

—Это мы сю минуту узнаемъ. Я его еще не видѣлъ.

Двое городовыхъ ввели маленькаго человѣчка, одежда и лицо котораго посыпаны слѣды жаркой схватки. Американецъ вглядѣлся и вскрикнулъ:

—О, это вы, г. Ниргель!

Это былъ дѣйствительно Рудольфъ Германовичъ Ниргель. Подъ глазомъ у него зловѣщѣ вадулся синякъ, губы тряслись.

—Это я, мистеръ Тринклеръ, но будьте добры объяснить: за что меня заперли на замокъ въ компаний съ какими то ворами и музыками?—дрожащимъ и возбужденнымъ тономъ произнесъ онъ.—И сѣдалъ почкою большое открытие, я пострадалъ, меня чуть не убили, мистеръ Тринклеръ!

—Такъ, такъ.. Это совершенно то, что магъ нужно. Человѣка ниже себя ростомъ послушать, сейчасъ я буду чинить допросъ по поводу исчезновенія этой американки Тринклеръ.

—Развѣ отыскались слѣды?

—Еще не знаю. Кажется.. Да ты садись и все услышишь самъ.. Эй, дежурный! За Тринклеромъ послази?

—Онъ здѣсь. Идетъ.

—Прости въ кабинетъ и приведи арестованного.

Офицеры изъ полиціи побѣхали въ «Саратовъ» завтракать, и дорогой Золотницкій говорилъ Погожеву:

—Нозвольте, такъ вы говорите въ Хабаровскомъ переулкѣ?

—Ну-да. Почему это васъ удивляетъ?

Поручикъ смущился.

—Нѣтъ, это я такъ.. Продолжайте, позалуйста.

Погожевъ наблюдалъ за всѣми. Нир-

гель былъ торжественъ, американецъ побѣднѣлъ и, повидимому, очень взволнованъ, а на Золотницкаго разсказъ изѣца дѣйствовалъ какъ-то странно. Въ началѣ онъ первничалъ, привыкалъ, прерывалъ Ниргеля неумѣстными вопросами. Въ концѣ же безпринципно и совсѣмъ некстати расхохотался.

—Что же онъ собственно говорить?—быстро спросилъ Тринклеръ.

—Это мы сю минуту узнаемъ. Я его еще не видѣлъ.

Двое городовыхъ ввели маленькаго человѣчка, одежда и лицо котораго посыпаны слѣды жаркой схватки. Американецъ вглядѣлся и вскрикнулъ:

—О, это вы, г. Ниргель!

Это былъ дѣйствительно Рудольфъ Германовичъ Ниргель. Подъ глазомъ у него зловѣщѣ вадулся синякъ, губы трясались.

—Это я, мистеръ Тринклеръ, но будьте добры объяснить: за что меня заперли на замокъ въ компаний съ какими то ворами и музыками?—дрожащимъ и возбужденнымъ тономъ произнесъ онъ.—И сѣдалъ почкою большое открытие, я пострадалъ, меня чуть не убили, мистеръ Тринклеръ!

—Такъ, такъ.. Это совершенно то, что магъ нужно. Человѣка ниже себя ростомъ послушать, сейчасъ я буду чинить допросъ по поводу исчезновенія этой американки Тринклеръ.

—Да.

Съ сухимъ и блѣднымъ лицомъ американецъ обратился къ Золотницкому:

—И хотѣль-бы знать, г. офицеръ, могу ли я разсчитывать, что вы немедленно арестуете внаовниковъ похищенія моей жены, если я ихъ указу?

—Конечно, это моя обязанность.

—Благодарю васъ. И знаю преступниковъ. До свиданья.

Офицеры изъ полиціи побѣхали въ «Саратовъ» завтракать, и дорогой Золотницкій говорилъ Погожеву:

—Нозвольте, такъ вы говорите въ Хабаровскомъ переулкѣ?

—Ну-да. Почему это васъ удивляетъ?

Поручикъ смущился.

—Нѣтъ, это я такъ.. Продолжайте, позалуйста.

Погожевъ наблюдалъ за всѣми. Нир-

гель былъ торжественъ, американецъ побѣднѣлъ и, повидимому, очень взволнованъ, а на Золотницкаго разсказъ изѣца дѣйствовалъ какъ-то странно. Въ началѣ онъ первничалъ, привыкалъ, прерывалъ Ниргеля неумѣстными вопросами. Въ концѣ же безпринципно и совсѣмъ некстати расхохотался.

Позавтракавъ, офицеры долго сидѣли за бутылкой вина, потомъ перешли въ билднадную и занягались до вечера. Часъ въ девять, когда уставши, паглотавши мѣловой пыль, они собирались уходить, неожиданно явился Тринклеръ.

—И открылъ преступниковъ, сказъть бѣзъвозвинованію. Это винайцы.

—Китайцы?!—широко открылъ глаза, неспросивъ поручика.

—Что же тутъ необыкновенного.. Вчера ночью, вошли случайно въ кухню, и застали своего боя-повара за персидской.

Онъ смущился. Рана была сѣхзап, на шѣѣ, съ лѣвой стороны. Тогда я не обратилъ внимания. Моя прислуга изгѣть у меня давно, и былъ далекъ отъ подозрѣній. Но разсказалъ Ниргеля.. Вы понимаете, онъ открылъ мінъ глаза. Теперь же послѣднія сомнѣнія разсѣались.. Взгляните на это портмоне,—американецъ передалъ офицерамъ маленький дамскій кошелекъ англійской кожи.—Я узналъ его. Съ нимъ никогда не разставалася моя жена. И какъ вы думаете, где я нашелъ его?

—Неужели у повара?

—Да, у повара.. И варочно отоспалъ всю прислугу изъ дома и обшарилъ кухню. Подъ лавкой, въ какой-то старой мисѣ съ крупой, я нашелъ это портмоне.

Золотницкій покачалъ плечами и пробурчалъ:

—Ничего не понимаю!. Если вы такъ уѣрены, то, позволите, я ихъ арестую.

—Конечно, арестовать!—горячо проговорилъ Погожевъ.

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

III.

— Мы пройдем пешком и у вороты вы подождете. Я сначала осмотрюсь, а ужъ затын вишу вась,—сказал Тринклеръ.

— У вась сколько человѣкъ прислуги?— спросилъ Золотницкій.

Его дѣловой видъ показывалъ, что сомнѣе и недовѣрчивость брошены—остался лишь традиціонный полицейскій служака.

— Четыре, по двоихъ я не подозрѣваю. Повидимому, участвовали въ преступленіи поваръ и взрослый бой, по имени Ши-хуза. Они очень дружны. Кроме нихъ, есть еще мальчикъ-китаецъ и лапонка—горничная. Эти врядъ ли знаютъ что-нибудь.

— Вы думаете, что не надо брать городовыхъ?

— Справимся и безъ нихъ, хотя дѣланто, какъ знаете. На всякий случай у моей квартиры караулятъ двое моихъ служащихъ изъ товарищаго склада—русскій и американецъ. Противъ пятерыхъ европейцевъ, миѣ кажется, они не станутъ сопротивляться.

Остальную дорогу шли молча

— Интересно знать, что эти подлецы сѣдали съ несчастной американкой?—думалъ Погожевъ, шагая по пыли рядомъ съ спутниками.—Какая зловѣшняя судьба! Прѣѣхать къ мужу послѣ долгой разлуки и на друг-

3) го же дѣнь попасть въ жестокія запыдливокосыхъ дикарей! Бррр!..

У воротъ ихъ встрѣтилъ рослый человѣкъ и, вытигнувшись по-военному, громко отрапортовалъ:

— Такъ что, китайцы ушли.

— Какъ ушли?—не понялъ американецъ,

— Ушли, ваша честь. Я говорилъ Марку, чтобы задержать, а онъ шепнулъ: «молчи, дескать»—и пошелъ за ними слѣдомъ. Миѣ приказали караулить здѣсь.

— Давно ушли?—спросилъ американецъ и энергично выбранился.

— Въ скорости за вашей милостью. Прибѣроно часа два тому времени.

— Неужели уйдугъ?—съ тревогой спросилъ Погожевъ.

— Я такъ и думалъ, что они попытаются бѣжать. Мой объектъ, конечно, не укрылся отъ нихъ... Не правда ли, эта попытка ускользнуть еще нагладѣе доказывается,

— Вы думаете, что не надо брать городовыхъ?

— Справимся и безъ нихъ, хотя дѣланто,

какъ знаете. На всякий случай у моей

квартиры караулятъ двое моихъ служащихъ изъ товарищаго склада—русскій и

американецъ. Противъ пятерыхъ европейцевъ, миѣ кажется, они не станутъ сопротивляться.

Приказавъ служащему ждать у воротъ, Тринклеръ ввелъ офицеровъ въ домъ. Повидимому, американецъ давно готовился къ приему жены—квартира была обставлена нарядно и дорого. Погожевъ съ первого взгляда опредѣлилъ, что все мебель, картины, ковры—привозные изъ Шанхая и Америки. Въ передней ихъ встрѣтилъ китайченокъ-бой. При видѣ русскихъ офицеровъ его глаза раскосо засияли. Отъ штабротмистра это не укрылось и, не разсуждая,—хорошо ли это выйдетъ или худо—онъ рѣшительно шагнулъ впередъ, взялъ китайчонка за плечо и спросилъ строго:

— Говори, что ты знаешь? Куда дѣли мадаму?

Бойка затрепеталъ и зашатался. Длинная коса съ черной шелковой кистью на концѣ вдругъ очутилась въ руки офицера.

— Американецъ отпустилъ его снять и проговорилъ:

— Ну! Мадама где?

— Моя не знаетъ, капитана... Моя ничего не знаетъ!

Погожевъ вдругъ сѣдалъ бѣженное лицо и рявкнулъ такъ, что гуль пошелъ далеко по улицѣ:

— Отвѣчай, подлецъ! Убью!..

— О, капитана! О добрый капитана!.. Моя съ Богу ничего не знаетъ. Моя только видѣла, какъ поваръ и большой бойка покупали бѣлье для мадамы

— Какое бѣлье?

— Разное бѣлье. Ходили въ магазины и покупали. Бѣлье, платье... Много покупали, отъ нихъ... Не правда ли, эта попытка ускользнуть еще нагладѣе доказывается,

— Признаніе было настолько неожиданно, что Золотницкій и Тринклеръ слушали, широко открывъ глаза. А Погожевъ продолжалъ допрашивать:

— Когда покупали?

— Давно покупали. Сразу покупали, какъ прощала мадама.

— Куда же они дѣли бѣлье?

— Понемногу покупали и складывали въ корзину въ кладовой. Потомъ унесли... Не знаю, куда унесли.

— Почему же ты раньше не сказаъ?

— Поваръ—бойка замѣтилъ, что я подглядываю. Они взяли меня въ кладовую. Тогда, нечего обождавъ, я отправился доложить вамъ, мистеръ Тринклеръ.

Бойка гнусливо заплакалъ и, трясясь отъ страха, что-то забормоталъ по-китай-

ски. На всѣ дальнѣйшіе вопросы штабротмистра онъ только причиталъ:

— Я не знаю... Моя ничего больше не видѣла.

Американецъ отпустилъ его снять и проговорилъ:

— Для меня очевидно одно: они не убили мою жену. Если покупали для неи вещи, то значитъ она была спрятана ими где-то поблизу. Можетъ быть они выжидали случая, чтобы увезти ее куда-нибудь.

— Необходимо во что бы ни стало захватить мерзавцевъ,—сказалъ Погожевъ.—Весь секретъ въ нихъ.

На дворѣ послышались голоса, и Тринклеръ, открылъ дверь, спросилъ въ темнотѣ:

— Это ты, Маркъ?

— Я, мистеръ Тринклеръ. Если угодно, мы можемъ взять ихъ въ любой моментъ.

— Гдѣ же они?

— Сначала они намѣревались, кажется, совсѣмъ удрать изъ города. Тогда я рѣшилъ, что за городомъ миѣ придется либо перестрѣлить ихъ изъ револьвера, либо связать другъ съ другомъ за косы и привести обратно. Другого выбора не было, не такъ ли, мистеръ Тринклеръ?.. Но они передумали и отправились въ китайскій городъ.

Я спокойно слѣдила, не подходя близко. Они зашли въ одну китайскую гостиницу, посѣль въ другую и, наконецъ, обстоятельно посовѣтовавшись, направились въ опекурилью. Здѣсь есть такихъ нѣсколько.

Тогда, нечего обождавъ, я отправился доложить вамъ, мистеръ Тринклеръ.

— Но они скроются, уйдутъ!—испуганно вскрикнула американецъ.

— Изъ курилки то? Не изволте безпокоиться, мистеръ Тринклеръ, если китаецъ попалъ въ опекурилью, то пока хозяинъ не выбросить силой—его не вытащишь. Ужъ я знаю...

— Господа, времени тратить нельзя. Идемъ, рѣшительно произнесъ американецъ.

— Русскаго вы оставьте дома—пусть онъ покараулить этого мальчишку,—посовѣтовалъ Золотницкій.—А дорогой я прихвачу парочку городовыхъ.

Такъ какъ разстояніе было довольно большое, то начали извозчиковъ. Золотницкій заѣхалъ въ управление, взялъ свободныхъ городовыхъ, и черезъ часъ восемь вооруженныхъ людей безъ шума окружили небольшой дворъ, въ которомъ ютилась опекурильня. Изъ-за прикрытыхъ наглухо циновочныхъ ставень доносился какой-то споръ и шумъ. Кто-то кричалъ, кажется, даже дрались. Золотницкій самъ разставилъ городовыхъ по мѣстамъ и тихо сказалъ:

— Ну, господа, все въ порядки. Приготовьте на всякий случай оружие, чѣмъ чортъ не шутить.

Онъ рѣшительно постучалъ въ дверь опекурильни. Шашки и крикнула:

— Эй, хозяинъ, отвори-ка!

Слышно было, какъ внутри разомъ стихло.

— Чего притаились? Отвори, говорю!

Ни звука. Слабый свѣтъ, пробивавшись сквозь циновку въ ближнемъ окоѣ, погасъ. Погожевъ стоялъ рядомъ съ поручикомъ и думалъ, что должность полицейской

стера совсѣмъ не такая ужъ желанная и блестящая.

— Ну съ кѣ черту! Лѣзь въ каждую пору по ночи... Дасть кто-нибудь въ рожу—и не увидишь, кто дѣлъ.

— Да отиросте-ли вы, проры! Заорать Золотницкій. Навали, ребята!

Ребята навалили. Дверь, устроенная по китайски на деревянныхъ петахъ и запорахъ, сразу рухнула.

Въ ту же минуту Погожевъ услышалъ, какъ мимо него съ ловкостью мыши проскользнули какіе-то люди—одинъ, два иѣсколько.

— Дерзки! прикунулъ поручикъ и выстрѣлилъ въ воздухъ.

Тринклеръ поспѣшилъ жечь спички, Маркъ нашарилъ лампу, а съ улицы несся визгъ, повидимому, тамъ городовые основательно кого-то улавливали.

Вошли въ первую комнату. По-китайски грязная и низкая, она до одури была пронитана таучими, противными запахами, гари, гаша. На широкихъ канатахъ, застянутыхъ рваними циновками, на лавкахъ и прямо на земляномъ полу валились одурманенные, извѣршившись опiumа люди. Поглубые, съ закатившимися подъ лобъ глазами, въ неестественнѣ разслабленныхъ позахъ, хранили, что-то бормочущіе, стонущіе, словно-бы придавленные дикими кошмаромъ—курильщики были противны и страшны. Столбомъ стоять не то царь, не то дымъ и отъ махрово-промозглаго запаха, ядовитаго, какъ укусъ змѣи, кружилась голова.

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

IV.

Обицкихъ комнатъ въ опекурильниѣ было четыре. Два городовыхъ и Маркъ свѣтили и переворачивали наизнѣкъ тѣхъ, лица которыхъ были спрятаны. Тринклеръ внимательно осматривалъ и переходилъ къ слѣдующему. Потому, что у китайцевъ тускло и безжизненно глядѣли наружу бѣлки глазъ, и еще потому, что зубы были сжаты, а лица перекошены въ неестественную гримасу—всѣ казались похожими одинъ на другого. Было ихъ около тридцати человѣкъ и лишь двое сдѣлали усилие приподняться на локти и посмотретьъ на вошедшихъ европейцевъ. Но головы ихъ не слушались, мускулы отказались повиноваться. Захриѣвъ, они опрокинулись на лавку.

Странное и жуткое впечатлѣніе производили эти ряды живыхъ труповъ. Въ разслабленныхъ, свисшихъ пистами рукахъ и ногахъ словно бы уже замерла жизнь. А изнутри съ клокочаньемъ вырывалось дыханіе. Тамъ, около сердца—этой цитадели тѣла—еще шла борьба. Мучительно искашенія лица безъ словъ говорили, какъ цѣло впился смертельный ядъ въ свою жертву. И чувствовалось, что изъ этихъ трехъ десятковъ людей далеко не всѣ выйдутъ побѣдителями.

Онъ скрылся и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, стоялъ уже безъ стѣсненія ограждать перегородку, ища входа.

Погожевъ совершенно не зналъ наружности разыскиваемыхъ китайцевъ. Тѣмъ не менѣе, едва лампы освѣщали новое лицо, онъ жадно и пытливо впивался въ него глазами. Штабъ-ротмистръ слышалъ, будто онъ приносить необыкновенно лучезарныя видѣнія и образы, такие магицкіе, что машиакамъ-курильщикамъ не жаль разстаться съ жизнью. Онъ смотрѣлъ, силился прочесть отраженіе этого непередаваемаго, яко-бы, блаженства—и не могъ. Искаженные лица и вывороченные бѣлки глазъ не вязались съ представлениемъ о сказочныхъ глазъ, и еще потому, что зубы были сжаты, а лица перекошены въ неестественную гримасу—всѣ казались похожими одинъ на другого. Было ихъ около тридцати человѣкъ и лишь двое сдѣлали усилие приподняться на локти и посмотретьъ на вошедшихъ европейцевъ. Но головы ихъ не слушались, мускулы отказались повиноваться. Захриѣвъ, они опрокинулись на лавку.

Когда обошли всѣ комнаты и послѣдний курильщикъ былъ осмотрѣнъ, то у Погожева вырвалось съ облегченіемъ:

—Фу, какая гадость! Наконецъ-то!..

—Да, они надули насъ, сказала Тринклеръ.—Убѣжали.

Маркъ что то еще осматривалъ и къ чему то приюхивался.

—Здѣсь еще есть помѣщеніе, проговорилъ онъ тихо.

—Гдѣ же?

—Нужно найти дверь. Смотрите, этотъ кань у стѣны не оканчивается и стѣна совсѣмъ не изруинирована. За перегородкой кань отапливается еще какую то комнату... Однако, погодите. Для вѣрности слѣдуетъ на дворѣ оѣзжть эту часть фанзы городовыми.

Онъ скрылся и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, стоялъ уже безъ стѣсненія ограждать перегородку, ища входа.

Китайскіе ваны, устроенные вдоль стѣнъ и отапливающіе фанзу, замѣняютъ и скамьи, и диваны, и кровати. Наблюдательность не обманула Марка—стѣна оказалась перегородкой. Полицейскіе полѣзли на чердакъ и вскорѣ послышались оттуда голоса:

—Пожалуйте сюда, ваше благородіе... Такъ что, здѣсь люкъ... Заперты.

Люкъ былъ небольшой, замаскированный ворохомъ бамбуковыхъ стружекъ. Когда его открыли, то чернымъ квадратомъ обозначился провалъ внизъ и оттуда понесло тепломъ и тягуче-противнымъ запахомъ гашиша.

—Свѣти. Нѣтъ ли лѣсенки?—распоряжался Золотницкій.—Нѣтъ?... Чортъ съ ней, обойдемся... Свѣти!..

Схватившись за края, онъ спустилъ ноги и повисъ. Оказалось невысоко, какъ и въ другихъ комнатахъ.

Погожевъ и городовой подняли надъ головами фонари, Маркъ лампу—комната была пуста. Вместо циновокъ на канѣ разосланъ толстый матъ изъ морскихъ травъ и сверху покрытъ желтой шелковой матеріей. И вообще комната производила впечатлѣніе чистоты, даже нарядности. Очевидно, она служила секретнымъ помѣщеніемъ для привилегированныхъ посѣтителей.

Стѣны тоже были обтянуты вышитыми шелками.

—Они.

—Ваша прислуга?

—Да.

—Но кто же ихъ убилъ?

—Кто?—Тринклеръ задумался. Гм... Это же ясно, кто убилъ. Убилъ тотъ, кому нужно было скрыть слѣды похищенія моей жены. Разъ выяснилось для насъ, что эти

несчастные—соучастники преступленія, то ихъ потребовалось устранить, зачѣмъ они выдали бы главного руководителя. Кому они служили, увозилъ мою жену, тѣтъ отблагодарили ихъ этимъ шелковымъ шнуркомъ... А вотъ поглядите—это ваны, нанесенная Пиргелемъ... Бедите?

Можно было подумать, что американецъ не коммерсантъ, а профессиональный сыщикъ. Онъ не торопясь осматривалъ каждую мелочь, вывернувъ карманы китайцевъ, изслѣдовавъ одежду, обнаружилъ всю комнату, даже шелковый шнурокъ снялъ съ шеи одного удавленнаго и спряталъ. Маркъ дѣятельно помогалъ хозяину, и они не обмѣнялись ни словомъ. Офицеры и оставшійся городовой молча же слѣдили.

—Такъ... Теперь, кажется, все. Я уезжаю, г. офицеръ,—проговорилъ Тринклеръ, закончивъ работу.—Если бы вы нашли что либо интересное, то не откажите сообщить это труду... Ежегодно хоронятъ десятки тысячъ труповъ, которыхъ никто не опознаетъ. Стараются поскорѣе сбѣть съ рукъ, а судебный и полицейскій разслѣдований начинаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть возможность съ кого то что то сорвать. Неудивительно, что въ опекурильниѣ повѣсили двоихъ—это не рѣдкость. Ночью хозяина вызываютъ трупы изъ отдаленную улицу и никто ничего не добываетъ.

Извошиковъ въ китайской части города не было. Погожевъ догналъ американца и спросилъ:

—Вы что нибудь понимаете, мистеръ Тринклеръ? Вы разсчитываете найти концы въ этомъ дѣлѣ?

—О, концы должны найтись! Не могутъ же безслѣдно скрыться хозяина этого приюта. Когда курильщики проспятся, я ихъ допрошу со своимъ переводчикомъ. Какая

нибудь малочь выплыть же наружу!

—Мы кажется, — задумчиво сказалъ

штабъ-ротмистръ, —что здѣсь видна работа хорошо организованной шайки. Должно быть, вашего повара и бой убили именно за то, что они были неподражи.

—Можетъ быть,—согласился американецъ.—Однако, нужно знать, насколько въ Китаѣ низко цѣнится человѣческая жизнь. Многіе сравнительно пустые расчеты завершаются убийствомъ. Происходитъ это потому, что преступленія въ большинствѣ остаются безнаказанными. Полиціи такъ мало и она тѣль плоха, что смѣлыѣ преступники сбываются надъ нею. Кроме того, въ Китаѣ нетъ ни метрическихъ, ни административныхъ записей, ни паспортной системы,—почти никакого учета населенію, кроме учета семейного, родственного. Здѣсь провадаетъ человекъ и его не ищутъ, потому что и некому искать, и напрасныи это труда... Ежегодно хоронятъ десятки

тысячи труповъ, которыхъ никто не опознаетъ. Стараются поскорѣе сбѣть съ рукъ, а судебный и полицейскій разслѣдований начинаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть возможность съ кого то что то сорвать. Неудивительно, что въ опекурильниѣ повѣсили двоихъ—это не рѣдкость. Ночью хозяина вызываютъ трупы изъ отдаленную улицу и никто ничего не добываетъ.

О, Китай изумительная страна! Простая случайность, что мы открыли преступленіе. Промедли мы до утра—и иѣтъ концовъ!

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.

(Продолжение *).

У.

Рудольф Германович Пиргель, сидя в участке, ощущал въ жилетномъ карманѣ пустоту—пропали часы. Такъ какъ дежурный околоточный, у которого онъ спрятался, отозвался полнымъ незнаніемъ, то Пиргель рѣшилъ, что часы утеряны въ почной свалкѣ. Было досадно и жалко. Конечно, на тѣ пять тысячъ, что чудомъ выпали на его долю, онъ могъ купить хотя десятокъ часовъ, но пропавшіе имѣли особое значеніе—ихъ подарила жена, Берта Людвиговна, въ первую годовщину свадьбы. Не случись этой пропажи, Рудольф Германович чувствовалъ бы себя совсѣмъ счастливымъ человѣкомъ.

—Синякъ, конечно, вздоръ,—разсуждалъ Пиргель, направляясь изъ участка домой.—Надѣну повязку, а черезъ недѣлю—другую не останется слѣда. Пять же тысячъ—это, чортъ возьми, не вздоръ! И расположение инспектора Тринклера тоже не вздоръ. О, далеко не вздоръ.

Въ радужномъ настроении Пиргель перешагнулъ порогъ своей квартиры въ перваго мгновенія почувствовалъ, что дома не ладно. Въ столовой шторы спущены, въ гостиной тоже. Онъ заглянулъ въ спальню—тамъ совершенно темно.

—Въ чёмъ дѣло? Больна мадама?—спросилъ Пиргель болѣ—прислугу, понижая голосъ до шепота.

—Мадама спитъ.

На ципочкахъ Рудольф Германовичъ пробрался въ спальню. Ему нужно было достать чистое бѣлье, платье, а всѣ эти вещи хранились въ спальне.

—Это ты, Рудольфъ?—окликнула его жена.

—И, душечка. Что случилось? Больна?

—До утра стала пропадать,—слабымъ голосомъ проговорила Берта Людвиговна.—Нечего сказать, не дурно!

Мужъ склонился къ постели и счастливой скороговоркой зашепталъ о приключенияхъ. Нахло ароматическимъ уксусомъ и одеколономъ. У жены болѣла голова и она даже къ пяти тысячамъ отнеслась безучастно. Принеся тяжелую штору, Пиргель суетливо разыскивалъ вещи и говорилъ все тѣмъ же радостнымъ шепотомъ:

—Ты лежи, лежи, дѣочка. Я сю минуту. Вотъ только въ шкафъ... Сю минуточку.

Хорошенькое, розовощекое лицо г-жи Пиргель выглядело утомленнымъ и поблѣдѣвшимъ. Подъ глазами темные круги, губы занѣклись. Рудольф Германовичъ набралъ охапку вещей, поѣловавъ жену въ полное теплое плечо, и устроивъ темноту, ушелъ на ципочкахъ.

—Ахъ, эта головная боль!—думалъ онъ огорченно.—Постоянно послѣ театра засидится у Розали Карловны и возвращается подъ утро съ мигренью... Сколько разъ умолялъ неходить ни въ театръ, ни къ этой Розали Карловнѣ—слышать не хочеть.

Пиргель тяжело вздыхаетъ, моется на кухнѣ, одѣвается въ гостиной. Но пути въ контору онъ говоритъ самъ себѣ:

—Не поискать ли часовъ? Все равно на службу опоздалъ уже.

Онъ знаетъ, что жену огорчить пропажа ей подарка. Десятимѣсячными семейственными побужденіями, Рудольф Германовичъ входить въ Хабаровскій переулокъ, вспоминаетъ мѣсто схватки, наклоняется, пишетъ. Переулокъ узкій, чаленій и мрачный. Съ правой стороны тянется пизкая каменная стѣна, съ лѣвой—иѣсколько обгорѣлыхъ глинибѣтныхъ фанзъ черно и зловѣщие смотрѣтъ полуразваленными остатками. Явилась было мысль зайти внутрь—авось тамъ същется что либо интересное, проливающее свѣтъ на эту странную ночную исторію. Но обгорѣлая окна смотрѣтъ, какъ черная маска наемного убийцы. Пиргель зябко ежится, безшокойно озирается по сторонамъ. Пыль лежитъ толстымъ зыбкимъ слоемъ. Онъ ворошитъ ее ногами и вдругъ вскрикиваетъ—что то блеснуло на солнцѣ... Въ слѣдующій моментъ онъ вскрикиваетъ еще изумленіемъ. Какая странность! Вместо часовъ въ руѣ Рудольфа Германовича оказывается портсигаръ. Ужасно странно! Новый, серебряный, съ монограммой, которая такъ причудливо выгравирована, что сразу не разберешь буквы. Пиргель смеется и удивленъ. Проходить по переулку разъ, другой, десятый—часовъ нѣть. Потомъ, сидя за своимъ бюро, онъ работаетъ съ такой разсыпчатостью, какъ никогда. Мысль упрямо возвращается къ портсигару... Въ самомъ дѣлѣ, что же это значитъ? Какъ понимать эту находку? Не перестать ли это всевидящаго, всезнающаго, тысячеокаго и неумолимаго всемѣдія? Если пропажа часовъ, приведшая Рудольфа Германовича въ переулокъ, отдала въ его ру-

ки портсигаръ похитителя г-жи Тринклеръ—такъ вѣдь это же фатумъ!.. Да, да, фатумъ!..

Бумаги остаются непрочитанными. Пиргель положилъ передъ собой портсигаръ и долго, упорно смотрѣтъ на него, будто ищетъ въ этой четверти фунта серебра отвѣта на свои недоумѣнія мысли. А къ вечеру решеніе въ его умѣ ясно оформляется: портсигаръ иссомнѣнно улика, онъ снесетъ его къ патрону и пусть тотъ дѣлаетъ, что знаетъ.

Въ контору Тринклеръ въ этотъ день не пришелъ, дома его Пиргель не засталъ и, пообѣдавъ, пришелъ снова въ одиннадцатомъ часу вечера.

—Подожду,—рѣшилъ онъ, не заставть патрона вторично.

Американецъ и Погожевъ, въ сопровождѣніи Марка, пришли изъ китайского города пѣшкомъ, такъ какъ извозчика имъ не нашлось. У воротъ ихъ окликнулъ Пиргель, не осмѣшившися ждать въ квартирѣ и считавшій ниже своего достоинства сидѣть въ кухнѣ.

—Что вамъ угодно, г. Пиргель?

—У меня очень важное дѣло, мистеръ Тринклеръ. Секретное дѣло.

—Ужъ не новый ли открытия по поводу несчастія?

—Вы угадали, мистеръ Тринклеръ.

—Въ такомъ случаѣ можетъ говорить.

—Я былъ на мѣстѣ происшествія въ Хабаровскомъ переулкѣ и нашелъ тамъ вотъ это,—сказалъ Рудольф Германовичъ, протягивая портсигаръ.

—Что такое?—не разглядѣвъ въ темнотѣ американецъ.

—Портсигаръ.

—Ну, и что же?

—Какъ что, мистеръ Тринклеръ? И уверень, эта вещь принадлежитъ одному изъ похитителей вашей супруги.

—Да? Вы думаете? живо отозвался Тринклеръ.—Это интересно. Зайдемте и посмотримъ его при свѣтѣ.

Едва Погожевъ взглянула на портсигаръ, какъ память подсказала, что онъ его видѣлъ гдѣ то раньше.

—Дайте-ка, попросилъ онъ взволнованно.

Форма, шелковый шнуръ—трутъ, оригинальная насѣчка по краю—все знакомо. Перевернувъ, онъ восхлинула съ изумленіемъ и даже съ испугомъ:

—Не можетъ быть!..

—Вы знаете хозяина?—быстро спросилъ Тринклеръ.

Погожевъ вдругъ покраснѣла до шеи и почувствовала, что на лбу выступаетъ

потъ, а бровь лѣвой дергается первымъ живчикомъ:

—Но это же невозможно!.. Это недоразумѣніе.. бормоталъ онъ растерянно.

Буквы, которыхъ съ трудомъ разобралъ Пиргель, причемъ даже не былъ увѣренъ, что разобралъ вѣрно—эти буквы были знакомы Погожеву. Онъ читалъ ихъ нѣсколько разъ раньше и восторгался замысловатостью рисунка.

—Вамъ известенъ владѣлецъ! Я вижу, вамъ онъ известенъ!—настойчиво повторялъ американецъ.

—Я... Я не понимаю.. И ничего не понимаю!—разводя руками, сказалъ штаб-ротмистръ.

—Вы должны сказать!

—Это просто глупое совпаденіе.

—Вы не имеете права скрывать! Если это совпаденіе, то оно выяснится.

Погожевъ вдругъ вспомнился и сказалъ твердо:

—Пожалуйста не старайтесь припереть меня къ стѣнѣ. Сю минуту я ничего не скажу. Мне нужно подумать.

—Ага, я понимаю.

—Ничего вы не понимаете.

—Нѣть, понимаю! Вы сами себѣ выдали. Это офицеръ, одинъ изъ вашихъ товарищъ—и потому вы колеблетесь...

Штаб-ротмистръ ничего не отвѣтилъ. Онъ опустился на стулъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, глядя себѣ на руки. Если бы не глаза, не видящіе окружающего, ушедшіе внутрь собственной мысли, то можно было подумать, что онъ безцѣльно разсматриваетъ ноги.

Тринклеръ же въ это время изучалъ монограмму, водилъ по линиямъ рѣзьбы спичкой и вдругъ тихо вскрикнулъ. Погожевъ нервно обернулся и глаза ихъ встрѣтились.

—Здѣсь выгравировано Б и З... Слышите, г. офицеръ: Б и З!..

И въ глазахъ другъ друга они прочли то имя, котораго одинъ не хотѣлъ говорить, а другой пытливо донескивался.

—Я готовъ поклясться, что этого не можетъ быть. Онъ не способенъ на преступленіе,—сказалъ Погожевъ, но голосъ его звучалъ неубѣдительно. Было ясно, что онъ самъ не увѣренъ въ томъ, что утверждаетъ

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

VI.

В эту ночь штабъ-ротмистру Погожеву мерещились неизбывные сны. То китайцы его избивали и, съ вывороченными наружу белками плясали дикой танецъ, то, наоборотъ, избивали онъ китайцевъ, а они хрюкали и склокотали, какъ тѣ, что вазались въ опекурильѣ. Погожевъ вскакивалъ съ постели въ холодномъ поту, жадно пилъ воду, по чуть засыпалъ—снова лѣзли со всѣхъ сторонъ страшныя рожи и всякия чертовщина. Его товарищъ, Борисъ Золотницкій, представился вовсе не поручикомъ, а какимъ то злобно хохотущимъ безобразнымъ чудовищемъ. Онъ насиловалъ на штабъ-ротмистра тоапы мрачныхъ дьяволъ, съ белками вместо глазъ, и всю ночь напролетъ длилась кошмарная борьба.

Въ 7 часовъ утра Андрей Яковлевичъ Погожевъ всталъ съ такелажной головой и отправился купаться. Тамъ, где море сливалось съ прозрачно-дымчатой завесой горизонта, едва примѣтными сиреневыми пятнами виднѣлись паруса рыбачихъ шаландъ. Вѣтра почти не было и лишь мелкая рябь шаловливо бѣжала по водѣ, ломая и отскакивая солнечные лучи, какъ движущееся зеркало. Казалось, будто бы море кокетничаетъ съ солнцемъ, заблестя въ кипящей улыбкѣ и увлекаетъ, игралъ осѣнними языками молодого и спѣша го лица. На прибрежные старые камни вода то набѣжалъ, то скользила и со стороны это производило впечатліе забавнаго

Благодарю васъ,—сухо отвѣтилъ американецъ. Для меня это уже не составляеть секрета.

фокуса: точно камни снабжены пружиной, заставляющей ихъ ритмично высаживаться надъ поверхностью и прятаться, высаживаться и прятаться. Въ общемъ картина взморья была мирная и ласковая. Она успокоила мятущуюся душу Погожева и, выкупавшись, поплававъ, посыпавъ штабъ-ротмистръ далъ своимъ мыслямъ здравое направление.

—Если поручикъ Борисъ Золотницкій укралъ у американца Тринклера жену, то съ какой стати я буду скрывать его?—думалъ онъ. Чортъ его знаетъ, изъ какихъ побуждений онъ сдѣлалъ это. Развѣ въ чужую душу вѣзешь? А затѣмъ это убѣдство двухъ китайцевъ... Что, если и оно связано съ похищениемъ!.. И даже, если бы я захотѣлъ скрыть владѣльца портсигара, то поздно—американецъ угадалъ. Но каковъ однакожъ фруктъ!.. Каковъ фруктъ, чортъ возьми!...

Андрей Яковлевичъ никогда и ни за что не позволилъ бы себѣ злорадствовать. Все-таки Золотницкій былъ товарищемъ, иногда выручалъ. Но въ глубинѣ души что то такое нацептивало Погожеву радужный соображеній. Главный соперникъ на должность полицеи-майора самъ собою устранился. Шансы штабъ-ротмистра разстутъ!..

Около полуночи Погожевъ отправился къ Тринклеру.

—Всосторонне обсудивъ это дѣло, а рѣшилъ, что скрывать имени владѣльца портсигара не имѣю права,—сказалъ онъ офицерскимъ тономъ. Это—Борисъ Золотницкій, поручикъ, занимающій должность офицера при мѣстной полиціи. Вы его знаете.

—Благодарю васъ,—сухо отвѣтилъ американецъ. Для меня это уже не составляеть секрета.

Погожевъ поколебался и добавилъ болѣе простодушно:

—Нѣтъ, уходи. Быть въ отсутствіи съ полчаса.

—Вотъ видите.

—У васъ есть еще доказательства?

—Я нашелъ того извозчика, который взялъ мою жену, скованную похитителями. Это было нетрудно—адѣсь на весь городъ меньше тысячи экипажей. Повидимому, Золотницкій держалъ жертву у себя на квартирѣ, и она сунула ночью бѣжать. Онъ погнался, настигъ ее въ Хабаровскомъ перекрестье и, такъ какъ на рукахъ нести было далеко и опасно, то туда привели извозчика. Орудовали четверо: два китайца, Золотницкій и еще какой то военный. Извозчикъ прекрасно знаетъ поручика и сразу откровенно все описалъ.

—Вы не шутите? У васъ дѣйствительно есть улики?

—Есть. И при томъ тяжкія. Я выяснилъ,

что вчера около десяти вечера, то-есть за часъ до нашего прихода, въ опекурильѣ были двое китайскихъ полицейскихъ, а китайская полиція находится въ подчиненіи Золотницкаго. Вы понимаете?

—Вы думаете, что убийцы они и послалъ ихъ Золотницкій?

—Несомнѣнно. Что убийцы они—это уже доказано.

—Чѣмъ?

—Нока не время говорить, уклончиво отвѣтилъ Тринклеръ. Это вы узнаете позже. Но, повторю, это совершенно и безусловно подтверждено: двое китайцевъ—полицеи-майоры. Это—Борисъ Золотницкій, поручикъ, занимающій должность офицера при мѣстной полиціи. Вы его знаете.

—Считаесте ли вы раскрытие подобного преступления дѣломъ благороднымъ, не мающимъ чести? Согласились бы вы помочь мнѣ?

—И онъ ни разу не уходилъ? Ни на минуту?

—Нѣтъ, уходи. Быть въ отсутствіи съ полчаса.

—Ваша помощь мнѣ очень нужна. Я не могу обратиться къ начальству Золотницкаго до тѣхъ поръ, пока не соберу подавляющихъ уликъ. И знаю халатность русскихъ властей. Пока они соберутся, пока рѣшатся принять серьезныя мѣры противъ офицера полиціи, пока арестуютъ, онъ успѣетъ начисто уничтожить всѣ слѣды. Въ средахъ, повидимому, онъ не стѣсняется.

—Что же я долженъ сдѣлать?

—Какъ товарищъ, вы имѣете возможность побывать у него на квартирѣ, разузнать, посмотретьъ. Возможно, моя жена еще тамъ, а если ее скрыли, то пустынная забытая мелочь поможетъ напастъ на слѣдъ.

Въ первую минуту кровь бросилась въ лицо штабъ-ротмистра. Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

—Гм... Щекотливо, чортъ возьми... Явишься къ товарищу, и подсматривать—это пахнѣтъ предательствомъ...

—Но ведь мы имѣемъ дѣло съ преступникомъ, съ убийцемъ,—рѣзко возразилъ Тринклеръ.—Онъ носить мундиръ обманно. Несколько подобные люди—вамъ товарищи?

—Такъ то оно такъ, но все таки...

—Не понимаю вашихъ колебаній. Тутъ выборъ простъ. Или Золотницкій опасный преступникъ, негодай и вашимъ товарищемъ ни въ какомъ смыслѣ быть не можетъ. Или вы сомнѣваетесь въ его винѣ и продолжаете заступаться, защищать его, какъ коллегу-офицера. Въ послѣднемъ случаѣ вы оѣнть-таки должны быть заинтересованы, чтобы истинна всплыла наружу и человекъ, послѣдний одинъ съ вами мундиръ, вышелъ чистымъ изъ тѣхъ также

лыхъ, обоснованныхъ подозрѣній, которыми его имя окружено

Погожеву вспомнилась странная взволнованность золотницкаго при допросѣ Тринклера. Потомъ его первность и загадочные улыбки при отыскахъ о сыскѣ Тринклера... Положительно, онъ замышленъ! Кроиѣ того портсигаръ, показанія извозчика и эта твердая уѣренность американца... А вчера, когда Тринклеръ явился въ ресторъ и потребовалъ ареста своихъ слугъ, развѣ не протестовалъ Золотницкій, развѣ не выказалъ все той же странной возбужденности? И когда открыли повѣшенныхъ—Погожевъ отлично помнить, что дѣлалось съ поручикомъ. Онъ не могъ скрыть растерянности и явнаго смущенія. Все это, конечно, доводы психологическіе, такъ сказать, неосознаемые, но вѣдь въ положеніи штабъ-ротмистра важно личное впутреннее уѣденіе, а не вещественныя доказательства!..

Такъ думалъ Погожевъ, а какой-то голосъ тихо шепталъ ему:

—И все таки идти подъ личиной товарища, талъ въ душѣ предательство, не офицерское дѣло.

—Ну, что же—согласны вы?—настаивалъ американецъ.

—Я подумаю,—колебался и волнуясь, отвѣтилъ штабъ-ротмистръ.

—Однако, вы понимаете, что дѣло это не можетъ ждать.

—Я отвѣчу вамъ вчера же,—сказалъ Погожевъ и выбѣжалъ изъ дома.

(Прод. с. 13.)

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

УП.

Болезни Андрея Иковлевича были долгие и мучительны, какъ неудачные роды. Тихий голосъ все нащептывалъ:

— Не офицерское дѣло... Совсемъ не офицерское...

Но становился этотъ голосъ слабъ и слабъ.

На сцену явилось и высказываніе Тринклера о соображеніи о томъ, что въ интересахъ самого Золотницкаго вскрытие головы истины, и гражданская скорбь о попранныхъ законахъ, и пожаромъ разгорѣвшееся любопытство, и инстинктъ смычества, могутъ заложенныи въ каждого человека отъ рожденія. окончательно сломить нерѣшительность Погожевъ такои доводъ:

— Вѣдь я самъ, по собственной охотѣ, добиваюсь вѣста полицеи-майстера. И сознательно иду на то, чтобы посватить себя ловле преступниковъ и всѣми силами ограждать законность. Не поставить ли меня въ будущемъ эта служба въ подобное же положеніе? О, конечно, поставить! Сотни разъ!

Все это происходило днемъ, а когда спустилась ночь, то штабъ-ротмистръ Погожевъ привезъ въ портной костюмъ, выпилъ водки и отправился, какъ тать, къ дому поручика Золотницкаго.

Низенькая фаза была темна, улица

тоже. Погожевъ принесъ было ухомъ къ ставиѣ, но тотчасъ же отошелъ и самъ себя выругалъ:

— Фу, подость! Только этого недоставало!

Сверхъ ожиданій калитка оказалась не запертої.

Онъ взошелъ на крыльцо и когда половица скрипнула, то вздрогнулъ. Опять выбранія:

— Это уже мерзость, чертъ возьми. Идти — такъ идти. Нечего баничать...

Нашаривая звонокъ, штабъ-ротмистръ вдругъ явственно услышалъ изнутри голоса. Невольно онъ простоялъ и застылъ. Голоса повторились. Сначала вѣскою, потомъ одинъ, мужской, сиплый. А дальше по тѣлу Погожева побежали мурашки: громко, вѣзбужденно говорила что то женщина. Голосъ высокий, звонкий и почти кричть.

— Нужно ли входить? — соображалъ Погожевъ. Взнесся было женский въ какомъ то залогась, но рѣзко оборвался. Штабъ-ротмистру почудилось, что это онъ не самъ люди валился подушка на диванъ, на высшему начальству въ городѣ и, не теряя времени, арестовать Золотницкаго и освободить несчастную американку?

Не оставалось сомнѣній, что жена Тринклера здѣсь, за этими стѣнами. Однако, штабъ-ротмистръ Погожевъ не представилъ себѣ никакого исключенія изъ всѣхъ людей, добровольно пустившихся въ смычество. Помимо результатовъ работы, его властно захватилъ самый процессъ выслѣживанья, всѣ тѣ приключенія, вся напряженность первовъ, вся острота отдѣльныхъ моментовъ, съ которыми, какъ на охотѣ по опасному звѣрю, связана ловля преступниковъ.

— Моя не знаетъ... Капитана не приказала пускать, когда его нѣту дома.

Простое перемѣщеніе денегъ изъ партнера-

скихъ кармановъ въ его бумажникъ — ему необходимо пережить всѣ перипетіи игры, просматривать каждую батую карту: иначе восторгъ победы не будетъ полнымъ. Такъ же и азартъ сыска требуетъ полнаго комплекта впечатлѣній: и опасностей, и напряженія до крайнихъ предѣловъ чисто звѣрнаго чуты, и риска въ той жуткой степени, когда онъ уже переходитъ въ браваду, когда ставкой за побѣду является собственная жизнь, и кульминационной работы всѣхъ кѣточекъ мозга, всего интеллекта, такъ какъ отъ выраженія глазъ, отъ движенія мельчайшаго лицевого мускула, отъ жеста, слова, отъ быстроты соображенія, отъ обостренности всѣхъ пяти чувствъ — зависить успѣхъ или провалъ, успехъ и пораженіе или торжество.

По коридорчику, длинному и узкому, онъ прошелъ мимо трехъ дверей, плотно закрытыхъ, и очутился въ кабинетѣ холода. Повидимому, здесь только что были люди: валилась подушка на диванѣ, на стулѣ лежала шашка поручика, на столѣ два недопитыхъ стакана съ шампанскимъ и оно еще играло, посыпалъ маленький испареніи со дна на поверхность.

— Принеси-ка воды, сказала Погожевъ, и подумала: хоть бы стаканы убрали!. Генераль кивнула.

— Отвори, бой? Это я, штабъ-ротмистръ Погожевъ.

— Капитана нѣту, капитана ушла.

— И никого нѣту?

— Никого. Всѣ ушли.

— Гми... Такъ ты все-таки отвори — я напишу поручику Золотницкому записку.

— Моя не знаетъ... Капитана не приказала пускать, когда его нѣту дома.

Что ты врешь. Говорю же, и только на

минуту. Надо записку написать. Очень важное дѣло.

Бойка не отвѣчалъ. Погожевъ подождалъ немного и снова позвонилъ очень громко, почти обрывая ручку звонка. Китаецъ только шмыгнула носомъ.

— Ты что же это выдумалъ, мерзавецъ! Я приказываю! — крикнула Андрей Иковлевичъ. — Морду набью, скотина длиннокосая!

Показалось ли ему, или за дверьми действительно пошептались, но Погожевъ услышалъ, что открываютъ.

Некуда разыгрывая гнѣвъ, онъ вошелъ со словами:

— Косу тебѣ срѣзать, подлецы! Артачился еще, шельма!.. Проведи въ комнаты... Да вѣрь, братъ, капутъ!..

Онъ даже смѣялся жиделькимъ, не привычнымъ смѣхомъ, самъ того не замѣчалъ.

Ровно черезъ полчаса, вдвоемъ съ американцемъ, они входили въ кабинетъ генерала — высшаго начальника въ городѣ.

— Что скажете? спросилъ тотъ не садясь и не предлагая сѣсть.

— Не знаю, извѣстно-ли вамъ, генераль, что у меня десять дней тому назадъ похитили жену? сказала Тринклерь и пристановилась.

— Принеси-ка воды, сказала Погожевъ, и подумала: хоть бы стаканы убрали!. Генераль кивнула.

— Какъ-же, я очень интересовался этимъ дѣломъ и приказалъ, чтобы изъ него обратили особенное вниманіе.

— И открылъ преступниковъ съ помощью штабъ-ротмистра Погожева. Въ связи съ этимъ преступлениемъ находится и убийство двухъ китайцевъ, совершенное вчера ночью въ опекурильнѣ.

Американецъ, хотя и взволнованнымъ

голосомъ, по подробно и последовательно рассказалъ весь свой сыскъ, начиная съ почного приключения Ниргеля и заканчивая только-что произведенной развѣдкой Андрея Иковлевича.

— Что убили моихъ слугъ двое китайскихъ городовыхъ — это я узналъ завѣрено. Мой служащий, американский подданный Маркъ, видѣлъ у одного изъ убийцъ серги, принадлежащи моей женѣ. Серги были ограблены моими бойками, а затѣмъ перешли къ ихъ убийцамъ. Маркъ даже торговался, хотѣлъ купить, но нарочно отложилъ окончаніе сѣлки на завтра.

Генераль слушалъ молча, нахмурясь, видимо изумленіемъ и недовольствомъ. Въ его городѣ и вдругъ такои скандалъ! Офицеръ, полицейскій офицеръ, убийца! Похищаетъ насильно жену виднаго члена иностранной колоніи — да еще изъ-за денегъ!

— И вы уверены, что это Золотницкий? спросилъ онъ, повернувшись къ Погожеву.

— Золотницкій — мой товарищъ, ваше превосходительство. И его никогда не считали способными на что-либо подобное. Но здѣсь говорю не я, а факты, ваше превосходительство.

Хорошо. Подождите въ приемной. Я распоряжусь, сказала генераль отрывисто, и круто повернулся къ Погожеву спиной.

(Прод. слѣд.)

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

УШ.

Въ полномъ молчании Погожевъ и адъютантъ генерала разставили вокругъ фанзы поручика Золотницкаго израуль и, позвонивъ, адъютантъ отчеканилъ:

—По приказанію его превосходительства, позовите открыть.

Тринклеръ стоялъ здѣсь же, Погожевъ первичацъ. Изъ-за двери заговорилъ было подполковникъ, но тотчасъ же звякнула задвижка и на порогъ при свѣтѣ лампы вырисовалась высокая, статная фигура Золотницкаго.

—Пожалуйте. Что случилось? сказали онъ, всматриваясь въ темноту.

Первыми вошелъ адъютантъ, за нимъ штабъ-ротмистръ и американецъ. Сзади впились еще люди. Золотницкій поблѣдѣлъ, красивые небольшие усыки слабо дернулись — онъ растерялся.

—Я... Я не понимаю... Что вамъ угодно?

—Генераль приказалъ васъ арестовать и оставить немедленно ту даму, которая у васъ находится,—салютуя шторами, проговорилъ адъютантъ.—Эй, тамъ... войдите. Поставить израуль у этихъ дверей... Извольте, поручикъ, показать вашу квартиру.

Вышло такъ, что Золотницкій не удавалось, а шель сзади всѣхъ, все такой же блѣдный и растерянный. Вѣроятно, для

8) большей эпичности, чтобы подчеркнуть серьезность события, адъютантъ кинулъ на ходу.

—Пожалуйста не пытайтесь бѣжать. Домъ оцѣпленъ изводомъ солдатъ, которымъ отдано приказаніе стрѣлять.

Въ столовой безъ кителя, въ разстегнутой рубашкѣ, сидѣлъ толстый большой человѣкъ. Возль него на столѣ была бутылка шампанскаго и большой чайный стаканъ. И адъютантъ и Погожевъ его сразу узнали.

—По приказанію его превосходительства, я долженъ арестовать васъ, г. подполковника, по тогаче же звякнула задвижка и на порогъ при свѣтѣ лампы вырисовалась высокая, статная фигура Золотницкаго.

—Арестовать?! спросилъ тотъ синко и замѣялся.

Вошедши поняли, что подполковникъ пьянъ и врядъ ли соображаетъ значение слова «арестовать». Милювали еще двѣ комнаты—гостиную и совершило пустую, должно быть, гимнастическую, потому что у стѣн лежали гири и штанги. Въ кабинѣ дверь была закрыта.

—Откройте, сказали адъютантъ.

—У меня нетъ ключа, она закрыта изнутри, отѣтилъ Золотницкій, воленое котораго возрастало.

—А другой ходъ туда есть?

—Да, изъ гостиной.

Попали въ гостинную, но и тамъ дверь оказалась запертою на ключь.

—Но вѣдь я велю сломать,—начальнически возвысилъ голосъ адъютантъ.

Золотницкій покзалъ плечами. Лицо его такъ поблѣло, что казалось, будто онъ сию минуту лишится чувствъ.

—Могу однѣ сказать, проговорилъ онъ дрожащимъ, срывающимъ голосомъ.—То, что вы дѣлаете, не честно по отношенію къ извѣстной вамъ женщинѣ и... и я не заслуживаю этого...

—Погодите, поручикъ Золотницкій, осторожный выбирать выражения, тихо, но четко и внушительно, сказали адъютантъ.

—Я исполню приказаніе. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о правосудїи, а не о честности... Эй, ломай двери!..

Четыре приклада съ силой треснули въ тонкую філенку. Одна доска выскочила, унтер-офицеръ просунулъ руку и повернула клють. Кабинетъ оказался пустъ. На диванѣ уже не одна, а дѣй подушки и беспорядокъ большій, чѣмъ раньше, по женщины не было.

—Что за фокусы!—произнесъ Погожевъ изумленно. Куда же она могла дѣться?

—Погодите сказать, куда вы ее спрятали?—строго проговорилъ адъютантъ.

Золотницкій и не подумалъ. Опершись спиной о косынку двери, онъ стоялъ все та же блѣдны, но словно бы успокоившися, застывшій.

Открылъ секретъ Тринклеръ. На стѣнахъ висѣли два ковра и одинъ изъ нихъ скрывалъ дверь. Ее сломали.

—Онъ покраснѣлъ, глаза горѣли.

—Мерзавецъ!.. Подлецъ!—шипяющимъ, зловѣннымъ голосомъ кинулъ поручику американца.

—Оставайтесь здѣсь, приказалъ адъютантъ солдатамъ и, взявъ со стола лампу, первый вошелъ съ спальню.

Подъ потолкомъ висѣла голубой фонтиръ, а потому вся комната тонула въ голубомъ полуракѣ. У Тринклера лицо было неподвижное, сухое, и лишь въ глазахъ вспыхивалъ мрачный огонекъ. Онъ молча шагнулъ къ кровати, бормоталъ ято-то и не пускалъ Тринклера. Между ними завязалась борьба. За-

лотницкій, какъ болѣе сильны, отбросилъ американца въ противоположной стѣнѣ и еще разъ прокричалъ:

—Клянусь вамъ, господа!.. Даю честное слово офицера!..

—Извольте отойти къ сторонѣ! И прикажу связать васъ, поручикъ Золотницкій,—жестоко сказалъ адъютантъ.

Теперь уже поручикъ, какъ раньше Тринклеръ, закрылъ лицо руками и затрясся.

Американецъ рыщательнымъ жестомъ рванула одну подушку, другую, потомъ простили, одѣяло, еще подушку. Сначала показалась стройная нога, а въ дальнѣйшемъ обнаружилась вся фигурка, скавшаяся въ комочекъ и потому казавшаяся маленькой въ жалкой. Цѣлый котокъ шелковистыхъ, мягкихъ, блокуриахъ волосъ облизъ плачи, голову, грудь—скрылъ до конца.

—Какая подлость!—думалъ штабъ-ротмистръ съ омерзеніемъ.—Украсть женщину только для того, чтобы надругаться! Чортъ знаетъ!.. Павань, настоящий павань!

Вдругъ Золотницкій, точно осѣненный какою-то внезапной мыслью, шагнула впередъ, заслонилъ себѣ кровать и быстрой скороговоркой, глотая слова, проговорилъ:

—Господа, это не она!.. Клянусь вамъ!.. Мистеръ Тринклеръ, я даю честное слово—это не ваша жена!..

Она, повидимому, не сознавала, что съ нею дѣлаютъ, чего хотятъ. Въ страхѣ и стыдѣ она билася, дрожала всемъ тѣломъ, старалась ускользнуть въ отдаленный уголъ постели. Тринклеръ же и адъютантъ Погожевымъ стояли, какъ истуканы, не нападали даже настолько, чтобы приврѣть обнаженную Берту Людвиговну.

Потихоньку, будто изъ комнаты умрачающаго, они вышли въ кабинетъ. Адъютантъ взглянулъ на штабъ-ротмистра, тотъ на американца и всѣ трое беззвучно захихикали. Въ смѣхѣ не было ни задора веселости, ни наглаго бесстыдства—онъ

прошуршилъ жалко, смущенно, растерянно. Такъ безсмыслица улыбка кривить лицо человека, виновно получившаго позорную пощечину. Вошелъ Золотницкій, строгій, серьезный. Не глядя на офицеровъ и американца, онъ произнесъ сухо:

—Погодите, г. адъютантъ, обо всемъ доложить его преображенству. Думаю, что хоть и сквернымъ путемъ, но недоразумѣніе исчерпано и меня арестовывать не станутъ. Только глупость мистера Тринклера и... и оригинальная роль штабъ-ротмистра Погожева были причиной скандала.

Затѣмъ, господа, я надѣюсь, что все происшедшее не кинется на люди. Это было бы позоромъ не только для меня... Генерату передайте, что извѣстна вамъ даже у кого заступничества не просила и не проситъ.

—Я сюю минуту буду съ докладомъ. Генераль приказалъ быть у него немедленно,—сказалъ адъютантъ, а шпоры его смущено звенѣли: «Развѣ я виноватъ? Развѣ могу я ослушаться?..»

—Позвольте, но вѣдь ктонибудь укралъ же у меня жену?—воскликнулъ обезкураженный американецъ, падя по улицѣ разомъ съ Погожевымъ.—Вѣдь приказалъ же похититель убить моихъ боссъ? Вѣдь разнѣлъ же Ниргель моего повара въ шею? Портенгаръ то вѣдь его, Золотницкаго, въ утюгъ на мѣстѣ преступления? Что же это? А?

Погожевъ молчалъ. Онъ былъ угрюмъ, съ взмахомъ просвѣли одинъ лишь дерзости.

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

IX.

Есть въ Маньчжуріи затеряній живописный городокъ Лингай, известный лишь тѣмъ, что въ немъ до посаѣднаго времени сохранились гробницы первыхъ императоровъ царствующей династіи. Хранитель этихъ реликвій старина—принцъ Лянъ-Си, отпрыскъ боярской фамилии. Его полный титулъ такъ пышенъ и длиненъ, что не уместился бы въ цѣломъ газетномъ столбѣ. Но въ самомъ принцъ Лянъ-Си нѣть ничего напыщенаго и страшнаго. Это маленький, сухонький, подвижной и привѣтливый старичекъ, имѣющій въ средѣ русскихъ офицеровъ не только друзей, но и родню, такъ какъ одна изъ дочерей принца замужемъ за нашимъ казачьимъ офицеромъ, а младший сынъ женился на русской барышни изъ военной семьи.

Отъ принца Лянъ-Си я слышалъ такую легенду о Маньчжуріи:

—Когда Великий Творецъ земли и неба, первого человека и первого червя окончили свой божественный замыселъ и взглянули на твердь земную съ высоты, то его поразилъ унылый видъ гигантского Китая. Все въ немъ выглядело тускло, блѣдо. Казалось, будто израсходованъ на другія страны ярость и силу творчества, для Китая на Господней палитрѣ, вмѣсто красокъ, осталась лишь безцѣльная мутнота жизни. Безплодный пустыни хмуро неслись небу туки мельчайшаго песка; самыя высокія въ мѣрѣ горы тянулись къ Всемогущему своимъ оголзеннымъ хребтамъ и было похоже, словно это костлявые руки огромнаго тошаго тѣла молятъ о милосердии. Богъ спрavedливъ. Онъ сказалъ: «Добро! Я не хочу потрісать цветущий мѣрѣ передѣлками, но Я дамъ Моею Китаю такую провинцию, какой нѣть на земле. Залитая солнцемъ и счастельемъ, она, какъ радуга, отразитъ все самое красивое, что есть въ Моеи гозданіи. Пусть всесторгъ, удивленіе и зависть всѣхъ народовъ будутъ утишениемъ несчастному, обойденному Китаю». И зацвѣла Маньчжурія...

Въ своей первобытной простотѣ легенда очень красива, но стократно красне сама Маньчжурія. Второй подобной страны нѣть въ мѣрѣ! Только неизѣяснимая щедрость божественнаго размаха могла разсыпать такое множество богатствъ. Тамъ нивы, такъ тучны, что урожаи сажь-триста, сажь-четыреста считаются обыкновенными. Тамъ частое золото брошено прямо въ песокъ и при первобытныхъ способахъ промыто

процентная выдача превосходитъ наши богатѣйшия сибирскія пріиски, оборудованные новѣйшими машинами. Высокопробный уголь тамъ лежитъ на поверхности и пласти его настолько мощны, что у современной техники нѣть способовъ ихъ исчислить. Лѣса занимаютъ сотни тысячъ квадратныхъ верстъ. Въ дѣственныхъ дѣбрахъ еще не ступала нога человѣка. До сихъ поръ тамъ водятся и бобръ, и соболь, и стающая зоологической рѣдкостью белая лисица, и тигръ, и барсъ. Въ минувшую войну наша импіонная армія побѣдала франковъ, рабчиковъ, тетерововъ, куронатокъ въ колосальныхъ количествахъ—и всетаки цѣна за пару франковъ, напримѣръ, не поднялась выше 40 коп., а норма—гривенникъ. Самодѣтныя камни, драгоценныиѣ шимрудамъ и, изобилѣ, нравственному, спиритуальному трудолюбию населенія—этому наивысшему благу каждой страны—тамъ нѣть числа и нѣть границъ!..

Но если бы у меня спросили: «что же самое красивое, самое лучшее, самое чудесное въ Маньчжуріи?», то я не задумывалъ, отвѣчу:

—Утра!

Ахъ, какъ хороши маньчжурскія утра, когда солнце только что поднялось надъ зубчатымъ гребнемъ сопокъ, когда въесь и ширь нѣть предъ глазу, когда воздухъ, какъ хрусталь, чистъ и звонокъ, и напоенъ ароматомъ, и чувствуете вы, какъ проще, радостнѣй, чине становится на вашей душѣ, отглеченной въ жизни чортъ знать чѣмъ.

Слово «ахъ» устарѣло. Наивное и же-манное, оно напоминаетъ наше милую, по-таку съѣшую пору нашихъ бабушекъ, самыя высокія въ мѣрѣ горы тянулись къ Всемогущему своимъ оголзеннымъ хребтами и было похоже, словно это костлявые руки огромнаго тошаго тѣла молятъ о милосердии. Богъ спрavedливъ. Онъ сказалъ: «Добро! Я не хочу потрісать цветущий мѣрѣ передѣлками, но Я дамъ Моею Китаю такую провинцию, какой нѣть на земле. Залитая солнцемъ и счастельемъ, она, какъ радуга, отразитъ все самое красивое, что есть въ Моеи гозданіи. Пусть всесторгъ, удивленіе и зависть всѣхъ народовъ будутъ утишениемъ несчастному, обойденному Китаю». И зацвѣла Маньчжурія...

Въ своей первобытной простотѣ легенда очень красива, но стократно красне сама Маньчжурія. Второй подобной страны нѣть въ мѣрѣ!

Только неизѣяснимая щедрость божественнаго размаха могла разсыпать такое множество богатствъ. Тамъ нивы, такъ тучны, что урожаи сажь-триста, сажь-четыреста считаются обыкновенными. Тамъ частое золото брошено прямо въ песокъ и при первобытныхъ способахъ промыто

неучастіемъ, а какойнибудь скверный аи-догъ завершается благополучнымъ, даже счастливымъ концомъ.

Огнь портв-артурскаго сыска Погожевъ не ждалъ ничего хорошаго. Исторія съ обыскомъ квартиры Золотницкаго на слѣдующій же день огласилась и не было гостиної, где не хотели бы надъ опростоводившимися Шорюкъ-Холмсами. Но всесильный артурскій генералъ весьма обрадовался этому происшествію. Тяжелое и позорное подозрѣніе съ офицера было снято. Выяснилось, что Золотницкій давно находится съ Бергой Людвиговной Ниргельвъ связи и что барынка эта не прочь по-рою покутить тайкомъ отъ мужа. Въ Хабаровскомъ переулкѣ поручикъ съ товарищемъ и двумя боями-китайцами дѣствительно настѣснѣ и водороль къ себѣ изъ численныхъ «штатскихъ» поголовыхъ, воинственный духъ Сватославовыхъ соратниковъ возражается въ одномъ на тысячу потомковъ. Ониаждутъ бить, тескуютъ по кровавымъ потѣхамъ. И если на землю шаръ, опоясанномъ позиційскими широтами и юандармскими меридианами, осталась еще уголокъ, где такими людьми раздоле—то это, конечно, пограничная служба въ Маньчжуріи.

Погожевъ все это прекрасно знаетъ—онъ увѣренъ въ своихъ солдатахъ и самъ такъ же. У него есть сложившійся приятели, усвоить которыхъ можно лишь въ Маньчжуріи. Къ каждой деревнѣ онъ подъѣзжаетъ, какъ къ непріятельскому окону, всико ущелье или внезапная заросль для него вражеская засада. Глаза зорки, рука на эфесѣ и весь, какъ породистый конь за семуцу до стремительного барьеръ.

А утро, мирное и зудесное, насыщовано пронитываетъ бодростью. Хотется движений, тѣло словно бы не въ состояніи таинъ избыточнѣи силы, которую вливаетъ это изумительное маньчжурское солнце.

—Рысью ма-а-ары!—командуетъ штаб-ротмистръ.

Что за голосъ у Погожева! Грудь ли стала вдругъ такъ широка, воздухъ ли состоитъ изъ невидимыхъ звонкихъ струнъ, или это сопки творить чудеса?

Кажется, будь сзади не пятнадцать человѣкъ, а дивизія, корпусъ, армія—всѣ отчеливо услышали бы команду. И попытались каменистей дорогъ стучать четко, ясно.

Чуть замѣтнѣи уклономъ путь бѣжитъ съ перешала внизъ. Спереди поворотъ. Какъ только Андрей Иковлевичъ обогнулъ сказу—открылся видъ на дальний и ближний сопки, на долины, ущелья, деревни, лѣски и пахоты. Все въ дымкѣ и въ утренней росѣ—точно въ бриліантахъ и подъ газовой чадрой.

—Ого! Что бы это такое?—вслухъ произнесъ штаб-ротмистръ и едва сдерживаясь.

Кое-кто изъ солдатъ приложилъ козырькомъ ладонь и пристально всматривался,

рубленные гвозди, которыми, вмѣсто пуль, заряжены вражескіе ружья и фальконеты. Ихъ боевое прошлое окраплено собственной кровью и обильно полито кровью всегдашняго, не переводящагося, неистребимаго врага-хунхуза. Ихъ крѣпче узъ, чѣмъ ихъ товарищескія. Своего они не выдадутъ и рабенаго па полѣ не оставятъ. Они глядѣли смерти въ глаза и безстрашѣ для нихъ не геройскій инстинктъ, а обычная служебная подробность: какъ сапожнику необходимо уметь сссчитъ дратву, такъ пограничнику нужно обладать неустрашимостью. Изъ десятковъ тысячъ людей, ежегодно въ кавалеріи мѣняющихся, сами собою отбирались единицы, которымъ воспине «ремесло» изѣбѣше родственno. Растворилась въ вѣкахъ и исчезла въ безчисленныхъ «штатскихъ» поголовыхъ, воинственный духъ Сватославовыхъ соратниковъ возражается въ красную форму—сплошь темно-красную—отъ фуражекъ до лошадиныхъ погонъ.

—Что за факсы!—съ недоумѣніемъ говорить Погожевъ.—Откуда здѣсь взялось красное войско? Эй, ребята, осмотрите-ка на вѣкъ случай винтовки.

Погожевъ досталъ бинокль, лошади послѣ рыси отѣркиваются.

—Драгуны, что ли?—удивленно говоритъ офицеръ.

Старый вахмистръ Андроновъ возвратилъ увѣренно:

—Никакъ нѣть, китайцы, ваше благородие.

—Почему ты думаешьъ?

—Посадка ихни.

Далеко впереди, за вторымъ уваломъ, отчетливо видна группа всадниковъ. Трудно определить, сколько верстъ до нихъ. Воздухъ такъ прозраченъ, что ощущеніе дали совершиенно утрачивается. Но въ бинокль видно, что всадники идутъ правильнымъ строемъ, что ихъ не менѣе пятидесяти человекъ и что одѣты они въ темно-красную форму—сплошь темно-красную—отъ фуражекъ до лошадиныхъ погонъ.

—Полковникъ Лянъ-Чи далекоѣдетъ?

—Полковника нѣть. Это только одинъ изъ его отрядовъѣдетъ прогулку.

—Прогулку?

—Да, для прогулки лошадей.

—Где же находится полковникъ Лянъ-Чи?

—Это намъ неизѣастно. Полковникъ памъ никогда не сообщаєтъ, где онъ находится.

—Гм... Ну, ладно. Поѣзжайте.

Пограничники посторонились съ дороги и пропустили китайский отрядъ. Эти странные кавалеристы были одѣты дорого и вышучно. Короткіе куртки, маленькие шапочки и средней ширинѣ штаны по щиколотку сшиты изъ штофнаго бархата, какой употребляется для обивки мебели. Национальные китайские саноги, тоже изъ того же материала, вышиты красными же шелками. За спинами короткіе карабины, черезъ плечи патронташи, вкругъ пояса перевязь короткихъ сабель, на подобіе двустороннихъ мечей.

Отрядъ прошелъ стройно, легкой рысью. Въ головѣ отряда, улыбаясь и не безъ любопытства посматривая на офицера,ѣхалъ молодой человѣкъ, безусый, очень красивый. Его не китайское лицо бросалось въ глаза. Хотя онъ былъ брюнетъ, но кожа матово-блѣла, безъ малѣйшаго налета желтизны, говорила за то, что это европеецъ. И волосы его не были заплетены въ косу, а подобраны большими узлами, покоялись въ сѣтѣ.

Китайцы остановились, подровнялись по четыре въ рядъ. Впередъ высочилъ одинъ и рысью направился къ офицеру, держа надъ головой какую-ту бумагу.

—Это отрядъ Лянъ-Чи,—сказалъ китайецъ, мастерски осадивъ коня передъ Погожевымъ.

—Принца Лянъ-Си?

—Нѣть, Лянъ-Чи.

Андрей Иковлевичъ вдругъ покраснѣлъ, надулъ щеки и крикнулъ съ внезапнымъ бѣшенствомъ:

—Что ты врешь! Лянъ-Си, а не Лянъ-Чи..

Ты кто? Переводчикъ?

—Я перевodчикъ, но только отрядъ это Лянъ-Чи, а не Лянъ-Си. Вотъ бумага..

Сбитый съ толку, не зная, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ необыкновенномъ случаѣ, Погожевъ взялъ бумагу и прочелъ:

«Штабъ командающаго войсками просить начальниковъ русскихъ отрядовъ не чинить никакихъ препятствій всадникамъ полковника Лянъ-Чи, сабженіемъ сѣмъ документомъ. Секретно».

Съ недоумѣніемъ штаб-ротмистръ смотрѣлъ то на переводчика, то на штабный пропускъ. Что бы это могло означать? Еще недавно по всѣмъ частямъ пограничной стражи было циркулярно объявлено, что шайка хунхузского атамана Лянъ-Чи

мая опасная и отчалила въ округѣ, что китайское правительство общается за голову это разбойника 50.000 ланъ и что русскіе обязаны принять всѣ мѣры къ поникѣ хунхуза. Теперь же, вдругъ, Лянъ-Чи именуется полковникомъ и—«не чинить никакихъ препятствій»!

—Не морочать ли мнѣ голову?—сообразилъ Погожевъ.—Можетъ быть бумага подложная?

Опять внимательно осмотрѣлъ подпись и печать. Все правильное, настоящее. Пожавъ плечами, штаб-ротмистръ передалъ пропускъ переводчику и спросилъ:

—Полковникъ Лянъ-Чи далекоѣдетъ?

—Полковника нѣть. Это только одинъ изъ его отрядовъѣдетъ прогулку.

—Прогулку?

—Да, для прогулки лошадей.

—Где же находится полковникъ Лянъ-Чи?

—Это намъ неизѣастно. Полковникъ памъ никогда не сообщаєтъ, где онъ находится.

—Гм... Ну, ладно. Поѣзжайте.

Пограничники посторонились съ дороги и пропустили китайский отрядъ. Эти странные кавалеристы были одѣты дорого и вышучно.

Короткіе куртки, маленькие шапочки и средней ширинѣ штаны по щиколотку сшиты изъ штофнаго бархата, какой употребляется для обивки мебели. Национальные китайские саноги, тоже изъ того же материала, вышиты красными же шелками. За спинами короткіе карабины, черезъ плечи патронташи, вкругъ пояса перевязь короткихъ сабель, на подобіе двустороннихъ мечей.

Отрядъ прошелъ стройно, легкой рысью. Въ головѣ отряда, улыбаясь и не безъ любопытства посматривая на офицера,ѣхалъ молодой человѣкъ, безусый, очень красивый. Его не китайское лицо бросалось въ глаза. Хотя онъ былъ брюнетъ, но кожа матово-блѣла, безъ малѣйшаго налета желтизны, говорила за то, что это европеецъ. И волосы его не были заплетены въ косу, а подобраны большими узлами, покоялись въ сѣтѣ.

Штаб-ротмистръ пристально смотрѣлъ изъ младого предводителя красныхъ всадниковъ и что-то такое мышало ему оторвать взглядъ. Китайцы прошли и скрылись за уваломъ, а Погожевъ все глядѣлъ имъ въ слѣдъ и лицо молодого человѣка все стояло предъ глазами.

—Ишь, баба, а туда же—впереди войска, сказаъ вахмистръ Андроновъ, прерывая задумчивость команда.

—Какая баба?—удивленно переспросилъ Андрей Иковлевичъ и, вскрикнувъ:—Баба! Честное слово, баба!

Какъ я раньше не догадалась... Чудеса, братъ ты мой, въ рѣшѣ!

(Прод. слѣд.).

* См. «Кіевлянинъ» № 126.

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

X.

Штабъ-ротмистръ Погожевъ сидѣлъ на невысокомъ заборѣ и задумчиво покачивалъ ногой, задвигая споромъ за ширму, отчего онъ мягко позванивалъ—точно птицъ. Но громадному китайскому двору тамъ и здесь группами расположились солдаты.

Некоторые возились у коновязей и громко скрипали: «тару!» Другие разбрелись по дальнинѣ угламъ двора, чистили коней шетами, обтирали лоснившуюся шерсть мокрой тряпкой. Проходила общая утренняя уборка, для кавалериста столь же привычная, какъ рюмка водки къ завтраку.

Старый офицеръ въ сотнѣ—поручикъ Былоткановъ—дышалъ папиросой и говорилъ скучающе:

— Одна глупость. Если бы нашъ генеральный штабъ не облизалъ, то никакихъ сѣлохъ съ хунхузами не понадобилось бы.

А то националь на грудь значокъ, черезъ плечо аксельбанты и стали не офицерами, а дипломатическими атташе при арии. Имени атташе. У нихъ страсть къ дипломатии, честное слово. Со всѣхъ, съ позволеніемъ сказать, дрянью входятъ въ переговоры, заключаютъ глубоко мысленные конвенции.

Бывало мы, не нудствуя лукаво, дули эту китайскую рвзнь въ хвостъ и въ гриву—и было отлично. Запаху нашего боялись, за это верстъ отъ насъ бѣгали. Теперь же не только солдатъ, а я самъ тараюсь.

Не знаю, кто намъ другъ, кто врагъ, кого быть, кого не надо. Хунхузъ—разбойники. Совершенно ясно для каждого, что хунхузъ слѣдуетъ зонить, брать за шиворотъ, при со- противлении—рубить. Аль, шалишь. То было раньше. Нынѣ же мы съ хунхузами атаманами въ союзѣ, они наши приятели, не угодно ли здороваться съ этимъ подлецомъ за руку и говорить ему «господинъ полковникъ». Они якобы очень нужны и выполняютъ какую то таинственную задачу, данную имъ нашимъ штабомъ.

— И вы не знаете, какая это задача?— спросилъ Погожевъ, не выходя изъ задумчивости.

— Какъ то у меня почесалъ генерального штаба подполковникъ и разказывалъ, но для меня все это туманно. Ужъ очень много высшей политики. Моль, русскія войска непосредственно воздействовать на чистое китайское чиновничество не имеютъ права, ибо это можетъ вызвать международный скандалъ. А хунхузъ, какъ разбойники, стоять въ законѣ. Обладая солидной боевой силой, они могутъ диктовать даоталъ, дифангуанъ и даже сажинъ дзинъ-дзюнъ свою волю. Если тѣ не послушаются—атаманъ, въ родѣ Линъ-Чи, спалитъ любыи городъ, вырѣжетъ поголовно любую

чиновницу и повѣститъ любого губернатора. Такъ какъ въ Маньчжурии японскіе властіи борются съ властіемъ русскимъ, то генеральный штабъ заручился помощью хунхузовъ. Подполковникъ уверялъ, что китайское чиновничество стало несравненно говорчивѣй подъ угрозой хунхузского кулака.

Андрей Яковлевичъ вѣкоторое время молчалъ, а затѣмъ вышелъ изъ задумчивости и взорвалъ:

— Что-жъ, можетъ быть это сдѣлано не безъ смысла. Въ такой слабой странѣ, какъ Китай, хунхузъ большая сила. Она буйна и неорганизована, а потому опасна для всѣаго законного порядка. Но если ее взять въ руки, то при помощи двухъ трехъ хорошихъ шансовъ можно дѣлать крупицы дѣла.

— Позвольте, но вѣдь они—разбойники, сказала Былоткановъ, начиная горячиться.

— Разбойники они только до тѣхъ поръ, пока не подчинятся никакимъ законамъ, пока грабятъ. Но разъ они будуть у насъ на службѣ и станутъ дѣлать по нашему инструкціямъ—они становятся нашиими агентами, нужными намъ людьми.

— Ну, ужъ, знаете, это теорія не про меня атташе. У нихъ страсть къ дипломатии, честное слово. Со всѣхъ, съ позволеніемъ сказать, дрянью входятъ въ переговоры, заключаютъ глубоко мысленные конвенции. Бывало мы, не нудствуя лукаво, дули эту китайскую рвзнь въ хвостъ и въ гриву—и было отлично. Запаху нашего боялись, за это верстъ отъ насъ бѣгали. Теперь же не только солдатъ, а я самъ тараюсь.

Не знаю, кто намъ другъ, кто врагъ, кого быть, кого не надо. Хунхузъ—разбойники. Совершенно ясно для каждого, что хунхузъ слѣдуетъ зонить, брать за шиворотъ, при со- противлении—рубить. Аль, шалишь. То было раньше. Нынѣ же мы съ хунхузами атаманами въ союзѣ, они наши приятели, не угодно ли здороваться съ этимъ подлецомъ за руку и говорить ему «господинъ полковникъ». Они якобы очень нужны и выполняютъ какую то таинственную задачу, данную имъ нашимъ штабомъ.

— И вы не знаете, какая это задача?— спросилъ Погожевъ, не выходя изъ задумчивости.

— Какъ то у меня почесалъ генерального штаба подполковникъ и разказывалъ, но для меня все это туманно. Ужъ очень много высшей политики. Моль, русскія войска непосредственно воздействовать на чистое китайское чиновничество не имеютъ права, ибо это можетъ вызвать международный скандалъ. А хунхузъ, какъ разбойники, стоять въ законѣ. Обладая солидной боевой силой, они могутъ диктовать даоталъ, дифангуанъ и даже сажинъ дзинъ-дзюнъ свою волю. Если тѣ не послушаются—атаманъ, въ родѣ Линъ-Чи, спалитъ любыи городъ, вырѣжетъ поголовно любую

чиновницу и повѣститъ любого губернатора. Такъ какъ въ Маньчжурии японскіе властіи борются съ властіемъ русскимъ, то генеральный штабъ заручился помощью хунхузовъ. Подполковникъ уверялъ, что китайское чиновничество стало несравненно говорчивѣй подъ угрозой хунхузского кулака.

Людочки, обыкновенно не имѣющихъ сбыта. Деревня благоденствуетъ. Есть, правда, въ которыхъ непрѣятности, связанные съ по-

стоеемъ полутораста молодыхъ мужчинъ, но что такое непрѣятность для темного, без-

правнаго, злобного китайца? Въ своемъ

сельскомъ быту онъ нравственъ, честенъ, трудолюбивъ и чистота семейного очага для него священна. Однако, за всю свою трудовую жизнь китайский крестьянинъ не знаетъ того часа, въ который онъ былъ бы увѣренъ, что его жилище не сожгутъ, добро не ограбятъ, жену и дочерей не увезутъ въ позоръ. Когда близко хунхузъ или, еще того хуже, китайскій чиновникъ, то вся деревня причаетъ красныхъ женщинъ и двинулась въ тайники, а дороги таини и утварь зарываются. Отъ хунхузъ спаслись легче, потому что хунхузъ ищетъ самъ или входитъ съ жителями въ полюбовную сдѣлку относительно размѣра дани.

Чиновники же безграмотны, забираютъ все до-чиста и шарятъ съ специально дресироваными собаками.

Погожевъ и Былоткановъ тѣутъ рѣдомъ. Солнце уже обсущило почную росу и потому утро не юно и не сверкающее. Предчувствуется знойный день. Верстахъ въ десяти отъ деревни дѣлаютъ изъ четверти ча-са привалъ. Поручикъ отстегиваетъ флаг-ку съ водкой, его ъздовой подаетъ лѣса вѣрутую и холоднаго фазана.

— Да вы когда се видѣли?

— Когда вѣхъ въ сотнѣ, дѣвъ недѣли тому назадъ.

— Гм... Странно... Ничего не слышалъ.

— Она яичьмъ не отличается отъ красныхъ хунхузъ. Лишь вмѣсто косы—узелъ. Но вахмистръ Ароновъ сразу догадался и я понялъ, что это женщина..

— Да, пѣдить Былоткановъ.

Обоимъ скучновато. Каждый день они дѣлаютъ прогулку сюда на вершину перевала, въ эту маленькую тѣнистую рощу. Поручикъ предлагалъ пойхать въ другую сторону, въ берегу Илу—тамъ тоже великолѣпная мѣста. Но командиръ промолчалъ и упрямъѣздить на этотъ исправлять.

— Однообразный человѣкъ. Скучный, думаетъ поручикъ о новомъ командирѣ.

— Прикажите поѣздать, Иванъ Ивановичъ. Сдѣласъ хотъ прѣздѣкъ, говоритъ Погожевъ своему старшему офицеру и лѣниво идетъ въ фану.

Андрей Яковлевичъ покраснѣлъ, отвернулся и сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Въ фанѣ, занятой офицерами, лежалъ большой користъ Крыловскій—второй офицеръ сотни. Онъ вывихнулъ ногу и цѣльными днами читалъ старые, давно знакомые романы.

— Вы не знаете, какая у него женщина?— спрашивалъ штабъ-ротмистръ.

— У кого?— не понялъ Былоткановъ.

— У Линъ-Чи.

— Разныя женщины должны быть. Эти разбойники живутъ, какъ турки. Чуть по-красивѣе—забираютъ въ гаремъ.

— Нѣть, не китайка, а европейская женщина.

— Откуда же у него европейская?

— Я встрѣтилъ его отрядъ и увѣренъ, что покупаетъ за наличный деньги припасы, предводительствовала женщина... не китайка.

Былоткановъ помолчалъ и отѣтилъ равнодушно:

— Можетъ быть. Линъ-Чи богатый. Говорятъ, онъ сынъ принца Линъ-Си и когда то былъ при пекинскомъ дворѣ чуть ли не командиромъ боярханскаго конвоя. Потомъ что то случилось, его предали суду и, бѣживъ изъ тюрьмы, онъ сталъ атаманомъ хунхузовъ... За деньги все покупаютъ.

— Красивая.

— Маньчжурии тоже есть красивыя.

— Эта не Маньчжурия, тиѣ не тѣ.

Помолчали, прожевывая. Погожевъ смѣръ въ глубокую, заросшую котовину и мысли тихо кружились надъ смутно желѣзными строениями. Что за жизнь тамъ? Почему молодая прекрасная женщина очутилась среди сопокъ, въ компаний красныхъ полуразбойниковъ, полудикарей? Какая тайна окружаетъ эту котовину?

— У нея породистое лицо, умное и интеллигентное. Она не простолюдинка, тихо и задумчиво сказала Андрей Яковлевичъ, не обращая вниманія на поручика, а словно бы размышляя вслухъ. Тонкія терты и въ нихъ что то особенное. На нее достаточно разъ взглянуть, чтобы запомнить на десять летъ.

— Да вы когда се видѣли?

— Когда вѣхъ въ сотнѣ, дѣвъ недѣли тому назадъ.

— Гм... Странно... Ничего не слышалъ.

— Она яичьмъ не отличается отъ красныхъ хунхузъ. Лишь вмѣсто косы—узелъ. Но вахмистръ Ароновъ сразу догадался и я понялъ, что это женщина..

— Да, пѣдить Былоткановъ.

Помолчавъ, штабъ-ротмистръ стяхнуль мечтательность, почему-то засмѣялся и скомандовалъ:

— Садись!

Лѣниво поѣхали обратно въ деревню, котовина скрылась, солнце начинало припекать.

— То-то вы и єздите все на этотъ перевалъ, лукаво сказала Былоткановъ, когда вѣхъ зажгали во дворѣ.

Андрей Яковлевичъ покраснѣлъ, отвернулся и сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Въ фанѣ, занятой офицерами, лежалъ большой користъ Крыловскій—второй офицеръ сотни. Онъ вывихнулъ ногу и цѣльными днами читалъ старые, давно знакомые романы.

Виолинъ понятно, ничего не нашелъ и Погожевъ. Перевалъ былъ теменъ, конь задыхался, хрюкалъ. Андрей Яковлевичъ легъ на траву, нашелъ по памяти глубокую котовину и стала смотрѣть въ томъ направлении.

Луна поднималась, разгоралась серебристо-голубымъ синемъ. Штабъ-ротмистру казалось, что въ котовинѣ светятся огни, и онъ думалъ:

— Вотъ сѣсь на лошадь и поѣхать, по-

стучать. Если Линъ-Чи нашъ союзникъ, то

значить долженъ мешъ ворсить, оказать гостепримство. Скажу, что скучно мнѣ,

что мои офицеры тоже скучаютъ... Ну,

и, конечно, увижу ее.

Онъ вспомнилъ, какъ иѣзумъ зиму

возбужденіе быстрой болѣи прошло. Погожевъ всталъ и закончилъ думы вслухъ:

— Гортъ-съ да! Туда теперь съ собаками во доберешься и прогрѣться... Эхъ, жизнь, чтобы ей скиснуть!..

Солдаты, собравшись въ кружокъ у не-высокаго забора, пѣли заунывную малороссийскую пѣсню. Погожевъ думалъ, досадовалъ, чувствовалъ необходимость что то такое изобрѣсти, чтобы то скрасить время-препровожденіе и заполнить пустые, однобраные дни. Сквозь всѣ эти мысли несложно проходило сожалѣніе о томъ, что лучшая пора жизни бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ... Когда наступили сумерки и замѣтилъ странный дразнящій отвѣтъ дѣлъ, все облекающій въ полутиштевеніе, не дающій вполнѣ разсмотрѣть ни одного предмета, но поглощающій воображеніе на са-мыхъ неожиданныхъ видѣніяхъ — Погожевъ вдругъ ни съ того, ни съ этого прикнулъ сердитымъ голосомъ:

— Ароновъ! Привѣти мнѣ сюю минуту поѣздать коня. Живо!..

По деревенской улицѣ онъ проѣхалъ рѣсью, а затѣмъ даль ширмы и поскакалъ. Похоже было, будто одинокій призрачно-блѣдый офицеръ мчится выше и выше, къ далекой шапкѣ перевала, въ надеждѣ до-гнать уходящій день, настигнуть солнце. Но вершина меркла. Сзади тускналъ исходилъ луна. И, какъ въ сказкѣ, было краснѣво, какъ въ сказкѣ же—жутко. Казалось, что вотъ сейчасъ, навѣдя изъ перевала, хмурую почную тѣнь, этотъ блѣдый всадникъ упадетъ на землю и забьется въ риданіяхъ. Съ сурою безстрастностью непобѣдима ночь примиетъ еще одни риданія и также безъ отлика похоронитъ новую пригоршню слезъ, какъ склонила миллиарды раны. Если бы соединить цѣлью всѣ руки, про-справившись съ ними къ уходящему, недос-агасому счастью—ихъ хватило бы тысячу разъ опознать мѣръ. Если бы собрать всѣ слезы, лившіеся почами по несып-шимся метамъ—онъ сплошь окрошилъ бы землю. Но ночь осталась все такой же не-умолимой, холодной, тающей что то запо-идное и недающей людямъ ничего изъ своихъ сокровищъ.

Виолинъ понятно, ничего не нашелъ и Погожевъ. Перевалъ былъ теменъ, конь задыхался, хрюкалъ. Андрей Яковлевичъ легъ на траву, нашелъ по памяти глубокую котовину и стала смотрѣть въ томъ направлении.

Луна поднималась, разгоралась серебристо-голубымъ синемъ. Штабъ-ротмистру казалось, что въ котовин

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.¹¹⁾

В. Д. Козлова.

(Продолжение.)

ХI.

Сначала сидели въ фойе и разговоръ былъ черезчуръ официаленъ, точно бы каждое слово подчеркивало, что между офицерами и этимъ обывателемъ китайцемъ быть и не можетъ быть возможности близкаго. Затѣмъ Линь-Чи захотѣлъ посмотретьъ, какъ расположились его хунхузы, пріѣхавши въ качествѣ конвоя. Погожевъ изъ учитности сопровождалъ атамана. Они вышли со звора колча. Въ китайскихъ фонарь не свѣтилось ни одного огня и лишь луна призрачно озаряла тихую деревню.

Линь-Чи сказалъ задумчиво и, какъ показалось, Погожеву, скорбно:

—Вы думаете, они сильны? Боже сохрани. Матери тѣлки своимъ привыкли ребѣль, отцы чутко прислушиваются. За каждой дверью страхъ. Подумайте только: предводитель хунхузовъ приѣхать въ русскому начальнику!.. Совѣщаются!.. О чёмъ совѣщаются? Что доброго можетъ ждать несчастный католикъ отъ совѣщаний хунхузовъ и вновьнаго начальника?.. Запратали добро свое и дѣшево... ждуть, трепещутъ... Несчастный народъ!

Штабъ-ротмистръ всматривался въ лицо атамана. Оно казалось безстрастнымъ

и холоднымъ, но, должно быть, это луна обманывала.

—Что это вамъ вздумалось? спросилъ Андрей Яковлевичъ.

—Говорю.

Когда проходили мимо послѣднихъ фонарь, Линь-Чи простоялся въ прогорѣ рѣки.

—Вы, вѣроятно, удивились моему беспричинному приѣзду. Но я не хотѣлъ говорить въ присутствии вашихъ офицеровъ. История моего посѣщенія — передать вамъ погть эту бумагу и столкнуться по поводу того, что въ ней сказано. Вы сами, если въ лио, посвятите своихъ подчиненныхъ.

—Какая бумага? съ удивленіемъ спросилъ Погожевъ.

—Отъ вашего начальника, если не ошибаюсь.

Линь-Чи назвалъ фамилию очень популярнаго въ Маньчжурии молодого офицера генерального штаба, управлявшаго на Илуиншии концессіями и энергично расширявшаго русское влияніе и въ чиновничихъ сферахъ, и въ населеніи края.

Здесь же, прислонившись къ забору, присѣть луны и электрическаго фонарика Линь-Чи, штабъ-ротмистръ пробѣжалъ бумагу. Но формъ это было не предписаніе, а частное письмо, интимное, написанное товарищески. Писавшаго Погожевъ зналъ лично, встрѣчался съ нимъ, симпатизировалъ, даже восторгался порой его кипучей дѣятельностью.

—Я не понимаю, какимъ же образомъ мы съ вами можемъ сообща действовать? спросилъ Андрей Яковлевичъ, окончивъ чтеніе этой сценой и думая:

и спрятавъ письмо.

—Официально мы, конечно, не имѣемъ возможности соединяться,—ответилъ Линь-Чи.—Но нужно поставить дѣло такъ, чтобы было поплатно безъ словъ. Вашъ начальникъ хочетъ, чего бы это ни стоило, выжить изъ Финь-Хуань-Чена нынѣшняго вѣка. Приверженецъ японцевъ, онъ дѣлаетъ русскимъ много несправедливостей и изъ-за каждого пустяка поднимаются громкія исторіи. Нужно вопросъ поставить ребромъ. Вы обострите съ нимъ отношения, я съ своей стороны пригрожу. Я знаю этого генерала давно. Онъ мой сокращеніе. Но только я получила воспитаніе въ Лондонѣ и Петербургѣ, а онъ въ Токио, въ японской военной школѣ. Съ нимъ трудно сдѣлать.

—Гм... Это шепотливая миссія.

—Какъ сказать... Да, конечно. Но щекотливая она больше для него, тѣмъ для васъ. На вашей сторонѣ сила. Вашъ начальникъ лишь не хочетъ широкой огласки. Русские вообще боятся и придаютъ чрезмѣрное значеніе тому печатному шуму, какой неизбѣжно и постоянно поднимается въ заграничной прессѣ. Даютъ это отлитъ по понимаю. Поэтому онъ неуступчивъ, не знаетъ, буде ли это удобно пока. Если дойдетъ до даота, то игра раны времени откроется.

—И въ памъ приѣду завтра,—сказалъ Погожевъ изъ прощанія.

—Очень радъ, но...—китаецъ замахалъ.—Не знаю, буде ли это удобно пока. Если дойдетъ до даота, то игра раны времени откроется.

—Но вы же рѣшились ко мнѣ прѣѣхать?

—И другое дѣло. Я принялъ иѣры.

—Намъ нужно встрѣтиться и обсудить.

—Вы прїѣжжайте завтра днемъ на тогъ перекрѣстъ, куда вы юдите обычно. Тамъ увидимся.

Андрею Яковлевичу эта осторожность

Тотчасъ за краинами фанзами, не разъѣзжая лошадей, остановились хунхузы Линь-Чи. Ихъ было не больше пятидесяти и штабъ-ротмистръ призналъ въ нихъ тѣхъ же красныхъ всадниковъ, которыхъ онъ выѣхалъ изъ Финь-Хуань-Чена нынѣшняго вѣка.

—Обострить отношения!—думалъ онъ, идя рядомъ съ гостемъ.—Что это значитъ — обострить отношения? Ихъ-то отношенияй у меня съ даотасмъ не существуетъ — что же я обострю? Домъ ему подожечь, что ли? Или жену увести, патрать на него солдатъ? Чортъ знаетъ, что за порученіе!

Крайний хунхузъ что то крикнулъ, горячо и громко, вѣроятно, «мирно». Лежавшіе и сидѣвшіе вскочили на ноги. Линь-Чи поклонился, посмотрѣлъ, что бѣдъ коли, и вдругъ загремѣлъ на своихъ людяхъ бѣшенымъ голосомъ. Погожевъ зналъ языкъ, но атаманъ съ такой быстротой и свирѣпостью выбрасывалъ слова, что Андрей Яковлевичъ понять лишь общій смыслъ. Линь-Чи ругался и страшилъ грозилъ за потраву. Дѣло въ томъ, что хунхузы наѣздали для лошадей не травы, а чумизы съ посѣвомъ.

—Знайте, въ слѣдующий разъ виновные будутъ мною выгнаны со службы безъ жалованья,—пѣсколько остыши, закончила атаманъ.—Старши! Разбуди немедленно старшину деревни и позови ко мнѣ. Я ему заплачу за потраву и выту изъ вашего содержанія.

Погожевъ съ изумленіемъ слѣдилъ за этой сценой и думалъ:

—Въ чёмъ дѣло? Рисуется онъ предо

Линь-Чи не повѣрилась. Она хотѣла побывать въ таинственной китайской, въ глубинахъ души съ не переставать думать о прекрасной незнакомкѣ, командовавшей красными всадниками. Поэтому она сказала просто и умно:

—Приношу вамъ, я очень хотѣла побывать у васъ.

—Какъ знаете,—ответилъ хунхузъ.—Длично для меня это честь и большое удовольствие... Какъ знаете,—и крѣпко пожалъ руку офицеру.

Всю ночь Погожеву снѣгъ Линь-Чи. Засыпалъ и просыпался. Андрей Яковлевичъ думалъ о немъ и о его прекрасной спутнице. Какие они сбы необыкновенные! Какая красота души светится въ глазахъ, въ словахъ, въ поступкахъ этого сказочнаго разбойника! Сынъ ли онъ принца, въ самомъ дѣлѣ? Если онъ занималъ при бодыханскомъ дворѣ блестящее положеніе, то какой рѣчь испытаний пережитъ имъ? Сколько фатальной контрастности въ этомъ превращеніи начальника императорского конвоя въ атамана хунхузовъ!

Фантастическая размыщенія Андрея Яковлевича перешли въ фантастичныи образами и спами. Онь не въ состояніи разобраться: что ему видѣтся и что имъ передумано. А ночь каркалъ и въ фанзѣ душно. Тело разметалось. Линь-Чи и палиши сильнос, оно подобно праздному уму, хочетъ грѣзь, изаждеть необыкновенныхъ видѣній — заманчивыхъ, дразнящихъ.

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.¹²⁾

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

Х.

Утромъ штабъ-ротмистръ Погожевъ былъ первыи и колебался—хать ему въ Линь-Чи или не хать? Повидимому, опытный атаманъ не спроска предостерегъ. Еслъ да отай узнать о столь дружественныхъ сношенияхъ командира русской сотни съ хунхузомъ, голова которого оцѣнила, то это можетъ сильно повредить русскому дѣлу. Но съ другой стороны, Погожеву совершенно не мочь бороться съ охватившей его тревогой, съ неудержимымъ желаніемъ увидеть наконецъ эту гаишницу и загадочно-блескущую женщину.

—Нустые страхи! Нѣду!—сказалъ онъ себѣ въ душѣ.

Четыре бравыхъ пограничника уже сѣдали лошадей, чтобы сопровождать командинра, но въ послѣднюю минуту къ биваку подѣхали неизвѣстныхъ три всадника. Еще изъ окна фанзы Погожевъ разсмотрѣлъ, что двое изъ нихъ китайцы, одинъ европеецъ. Солдаты обступили прѣлавшихъ и разсирашивали. Командиръ вышелъ недовольный изъ задеражу и прокрутилъ черезъ дворъ:

—Что надо? Кто это?

Разступившися пограничники пропусти-

* См. „Киевлянинъ“ № 143.

ли маленькаго человѣчка, одѣтаго въ легкѣй городской пиджакъ.

—Ба! Господинъ Ниргель!—вскрикнулъ штабъ-ротмистръ.

—Ну, вотъ видите. Оставайтесь. Самъ перекусите и кони отдохнутъ. Чего торопиться.

—И очень радъ, г. офицеръ, что встрѣтилъ въ васъ знакомаго. Не вы ли командинръ этой сотни?

—И.

—Слѣдовательно, къ вамъ я и приѣхалъ. Дѣло серьезное и секретное.

—У насъ это просто. Пойдите,—сказалъ Погожевъ и, взявъ Рудольфа Германовича подъ руку, отвелъ въ сторону.—Что скажете?

Меня пригласилъ къ вамъ полковникъ Линь-Чи. Онъ просить васъ приѣхать къ нему, но только по днемъ и не изъ виду у всѣхъ, а вечеромъ, соблюдая осторожность и безъ конвоевъ.

—Нустые страхи! Нѣду!—сказалъ онъ себѣ въ душѣ.

Четыре бравыхъ пограничника уже сѣдали лошадей, чтобы сопровождать командинра, но въ послѣднюю минуту къ биваку подѣхали неизвѣстныхъ три всадника. Еще изъ окна фанзы Погожевъ разсмотрѣлъ, что двое изъ нихъ китайцы, одинъ европеецъ. Солдаты обступили прѣлавшихъ и разсирашивали. Командиръ вышелъ недовольный изъ задеражу и прокрутилъ черезъ дворъ:

—Да, конечно.

—Въ такомъ случаѣ я возвращаюсь. До свиданья.

—Къ чemu вамъ спѣшить, г. Ниргель?
Оставайтесь позавтракать,—предложилъ По-

гожевъ.—Сколько верстъ до ставки полковника?

—Около двадцати.

—Ну, вотъ видите. Оставайтесь. Самъ перекусите и кони отдохнутъ. Чего торопиться.

Ниргель поколебался и согласился. Такъ какъ водки онъ не пилъ, то за завтракомъ офицеры усиленно подливали въ его рюмку коньякъ, а предлагая пиво, приговаривали:

—Для перегородки, Рудольфъ Германовичъ. Нельзя все валить въ одну кучу—нужно разгораживать.

—Кто тдѣть?

Хунхузъ проводники отѣтили какой то пароль.

Погожевъ думалъ:

—У этого изумительного атамана совсѣмъ какъ въ восиномъ лагерѣ, въ виду исправленія. Никакъ, секреты, патрули и условный пароль... Отлично.

Онъ всматривался въ темноту между деревьями и, казалось, будто глазъ различаетъ еще и еще тѣни людей. Затѣмъ лѣсь внеслико окончился и показались невысокія строенія, обнесенныя стѣной, мрачныя при лунномъ свѣтѣ. Ворота открылись раньше, чѣмъ въ нихъ постучали. Первый дворъ былъ пустъ. Вѣхахи подъ арку и очутились во второмъ дворѣ. Нѣсколько человѣкъ въ красныхъ костюмахъ измѣнились. Штабъ-ротмистръ хотѣлъ было соскочить на землю, но оказалось рано. Его конь пугливо перебиралъ ногами и хранилъ. Одинъ изъ хунхузовъ взялъ его подъ узды и повсъль.

—Знаю! Прекрасная дама, которую я

встрѣтилъ во главѣ вашего отряда, хотѣлось сказать Погожеву.

—Знаю! Прекрасная дама, которую я встрѣтилъ во главѣ вашего отряда, хотѣлось сказать Погожеву.

По изъ-за письменного стола поднялась невысокая, плотная фигура русскаго офицера и Андрей Яковлевичъ разочарованно узналъ въ ней того подполковника, которому была подпишена его сотня.

(Прод. слѣд.).

у Линь-Чи, чутъ ли не въ десятый разъ спрашивалъ онъ.

Къ коголиинѣ, въ которой расположилась главная штабъ-квартира хунхузского атамана, вѣдь узкій проселокъ. Но наконецъ иронвалъ.

—Какъ поступилъ на новую службу? Ха, ха, ха!. Вѣдь вы же знаете мою исторію съ женой. Она ушла къ Золотницкому—что же не хотѣлось говорить о пустякахъ. Весь путь проѣхали молча. Уже нѣдалекъ отъ цѣли путешествія изъ зарослей появилась вдругъ нѣсколько темныхъ фигуръ и громкій голосъ окликнулъ по китайски:

—Хунхузъ проводники отѣтили какой то пароль.

Погожевъ думалъ:

—У этого изумительного атамана совсѣмъ какъ въ восиномъ лагерѣ, въ виду исправленія. Никакъ, секреты, патрули и условный пароль... Отлично.

Онъ всматривался въ темноту между деревьями и, казалось, будто глазъ различаетъ еще и еще тѣни людей. Затѣмъ лѣсь внеслико окончился и показались невысокія строенія, обнесенныя стѣной, мрачныя при лунномъ свѣтѣ. Ворота открылись раньше, чѣмъ въ нихъ постучали. Первый дворъ былъ пустъ. Вѣхахи подъ арку и очутились во второмъ дворѣ. Нѣсколько человѣкъ въ красныхъ костюмахъ измѣнились. Штабъ-ротмистръ хотѣлъ было соскочить на землю, но оказалось рано. Его конь пугливо перебиралъ ногами и хранилъ. Одинъ изъ хунхузовъ взялъ его подъ узды и повсъль.

—Знаю! Прекрасная дама, которую я

встрѣтилъ во главѣ вашего отряда, хотѣлось сказать Погожеву.

—Знаю! Прекрасная дама, которую я встрѣтилъ во главѣ вашего отряда, хотѣлось сказать Погожеву.

По изъ-за письменного стола поднялась невысокая, плотная фигура русскаго офицера и Андрей Яковлевичъ разочарованно узналъ въ ней того подполковника, которому была подпишена его сотня.

замъ, по онъ стоялъ тихимъ, точно пожи-
лый.

—Спать, подумалъ Погожевъ и досталь часы.—Ого, половина одиннадцатаго. Не поздно ли я пыталъ?

Наконецъ, серія дворъвъ окончилась. Предиствусмый двумъ огромными бумажными фонарями, появился Аянъ-Чи въ его громкій энергичный голосъ нарушилъ тишину, становившуюся тишиной и спиритомъ.

—Пожалуйте, милости прошу. Это хорошо, что вы, Рудольфъ Германовичъ, остановились до вечера и лично проводили Андрея Яковлевича, говорилъ атаманъ, здороваясь и вѣда гости въ домъ.

Какъ раньше дворы, такъ теперь потянулись комнаты. Одна, другая, сдѣломъ

зажиточныхъ китайцевъ. Переступая порогъ седьмой комнаты, Аянъ-Чи говорилъ привычно, какъ и полагается хозяину:

—Ботъ сюда. Это мой кабинетъ... Васъ ждеть сюрпризъ, г. штабъ-ротмистръ. Держу пари, вы не отгадаете, какую и приготовилъ вѣть Петрушу. Попытайтесь-ка.

—Знаю! Прекрасная дама, которую я встрѣтилъ во главѣ вашего отряда, хотѣлось сказать Погожеву.

По изъ-за письменного стола поднялась невысокая, плотная фигура русскаго офицера и Андрей Яковлевичъ разочарованно узналъ въ ней того подполковника, которому была подпишена его сотня.

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.¹³⁾

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

XIII.

Бабинецъ былъ, какъ кабинетъ. Необычный для китайца, но совершенно средний для русского. Большой письменный столъ, американский столъ-бюро и конторка для работы стоя. Кожаная мебель, обои не изъ дорогихъ, коверъ не пышный, чучело огромнаго тигра, убитаго, какъ оказалось, самимъ Линъ-Чи, портреты какохъ то важныхъ китайцевъ—вотъ и все.

Подполковникъ генерального штаба, которому подчинялся Погожевъ и который явился, повидимому, начальникомъ Линъ-Чи, серьезно и долго пояснялъ свой планъ относительно Фынь-Хуанъ-Ченовъ даотая. Основывался этотъ планъ на томъ, что Андрей Иковлевичъ обизанъ былъ перенесъ столицу сотни поближе къ городу Фынь-Хуанъ-Чену и въ возможно короткий срокъ написать своему начальству, какъ можно больше жалобъ на даотая. Подполковникъ эти жалобы будуть передавать мукденскому генералу-губернатору и въ концѣ концовъ явятся обоснованные мотивы требовать смыщенія нежелательнаго китайского генерала, настроенного враждебно къ русскимъ. Все это было скучно и, кроме клаузныхъ исторій, ничего не сулило будущемъ.

—А если это не поможетъ, то докончите дѣло вѣ,—сказалъ подполковникъ атаману.

* См. "Киевлянинъ" № 144.

Линъ-Чи безъ словъ кивнулъ и его холенные пальцы перво хрустнули. Несколько минутъ помолчали.

Подполковникъ раскуривалъ папиросу, Погожевъ думалъ:

—Стоило ли Ѹхаты!.. Неужели я не увижу ее?..

—О, я докончу это дѣло!—проговорилъ вдругъ Линъ-Чи.—Я, собственно, не понимаю, зачѣмъ тянуть его? Почти навѣрное могу сказать, что добровольно генераль не уйдетъ и его не смынать. Въ Пекинѣ существуетъ сильная партия, поддерживающая ставленниковъ Японии и непримиримая русскихъ. Эта партия не допустить, чтобы Фыньхуанъченского даотая смылили... А я... Гм... Я бы живо заставилъ его уйти по доброй волѣ. У меня есть съ этимъ генераломъ старые счеты. Никто и не подумаетъ, что я действую за одно съ русскими. Право, вы поручите мнѣ это теперь же.

—Нѣтъ, Линъ-Чи. Будемъ послѣдовательны,—сказалъ подполковникъ миролюбиво.—Если можно обойтись безъ насилия...—Нельзя,—рѣзко перебилъ атаманъ.—Но мы обизаны попытаться.

Линъ-Чи снова хрустнуль пальцами, но промолчалъ.

—Значитъ, съ этимъ вопросомъ покончено,—сказалъ подполковникъ.—Съ завтрашняго же дня принимайтесь действовать, Андрей Иковлевичъ.

—Слушаю-сь,—официально отвѣтилъ Погожевъ.

Хозяинъ пригласилъ въ столовую ужинать и пока шли туда, пока лакей-хун-

хузъ подавалъ легкій ужинъ, а за нимъ чай, Погожеву думалось:

—Вотъ, сейчасъ... Вотъ, сю минуту!..

Онъ первичаль, посматривалъ на дверь, старался по обстановкѣ или по какому либо случайному признаку безповоротно опредѣлить, что незнакомка дѣйствительно здѣсь, близко. Но чѣмъ ни о чѣмъ не говорило. Столовая была проста, гостиная тоже; штабъ-ротмистръ заглянулъ въ полуоткрытую дверь слѣдующей комнаты и увидѣлъ, что это спальня—небольшая, скучно обставленная спальня одинокаго человѣка.

—Мнѣ говорили, неожиданно произнесъ Погожевъ за чаемъ,—что у вѣсъ, Линъ-Чи, живеть наилѣтъ красавица—европейка. Правда это?

Атаманъ недовольно поморщился.

—Не вѣрьте слухамъ. Про меня вообще разказываютъ много небылицъ,—ответилъ онъ равнодушно.

—Какъ ты его ни верти, а онъ все-таки хунхузъ. Никакихъ прекрасныхъ женщинъ у него нѣть,—думалъ Андрей Иковлевичъ.

—Пусть напялить не только англійское, а хоть и испанское платье—ни одна синесокая донна за нимъ не побѣжитъ. Нужно будетъ присмотрѣть себѣ маньчжурку понтеренѣе, а то лѣзетъ всякий вздоръ въ голову.

Когда снѣль полуденный жаръ, Погожевъ взялъ четырехъ солдатъ и побѣжалъ въ городъ.

Фынь-Хуанъ-Ченъ представлялъ собою обыкновеннѣйшій провинциальный горо-

дышко, изъ кихъ въ Маньчжуріи десятки. Погожева работалъ вилю и раздраженно. Сонъ былъ тяжелый, безъ видѣній, и проснулся

штабъ-ротмистръ поздно, съ настроениемъ еще хуже, чѣмъ вочное.

Давъ на сборы два часа, опять вывелъ сотню изъ деревни, построилъ пов заводно и —слѣва по четыре—пограничники двинулись къ Фынь-Хуанъ-Чену. Корнеста Крыжовскаго везли въ китайской фурутинѣ.

Такъ какъ хунхузей лагерь Линъ-Чи находился приблизительно на половинѣ дороги между Фынь-Хуанъ-Ченомъ и стоянкой сотни, то новый бивакъ пограничниковъ оказался ближе къ котловинѣ атамана, чѣмъ старый. Пробѣжая мимо сѣрыхъ строений хунхузскаго лагеря, Погожевъ даже не смотрѣлъ въ ихъ сторону. Вѣсто тревоги и сладостнаго томления онъ чувствовалъ теперь лишь досаду и скучу. Въ душѣ словно бы опустѣло. Миражъ, созданный воображенiemъ, исчезъ. За мечты вчерашнихъ дней было стыдно.

—Какъ ты его ни верти, а онъ все-таки хунхузъ. Никакихъ прекрасныхъ женщинъ у него нѣть,—думалъ Андрей Иковлевичъ.

—Пусть напялить не только англійское, а хоть и испанское платье—ни одна синесокая донна за нимъ не побѣжитъ. Нужно

будетъ присмотрѣть себѣ маньчжурку понтеренѣе, а то лѣзетъ всякий вздоръ въ голову.

Тотъ указалъ на группу, стоявшую посреди площади. Погожевъ сѣѣшился и, вѣдьма въ первый попавшися дворъ, вызвалъ Андрей Иковлевичъ.

Фынь-Хуанъ-Ченъ представлялъ собою

обыкновеннѣйшій провинциальный горо-

дышко, изъ кихъ въ Маньчжуріи десятки. Погожева работалъ вилю и раздраженно. Сонъ

былъ тяжелый, безъ видѣній, и проснулся

штабъ-ротмистръ поздно, съ настроениемъ еще хуже, чѣмъ вочное.

Давъ на сборы два часа, опять вывелъ

сотню изъ деревни, построилъ пов заводно и —слѣва по четыре—пограничники двинулись къ Фынь-Хуанъ-Чену. Корнеста Крыжовскаго везли въ китайской фурутинѣ.

—Гдѣ домъ даотая?—спросилъ Погожевъ

у первого взрослого китайца.

Тотъ не понялъ. Русскіе такъ рѣдко объяснялись самостоительно по китайски, что обыватели принимали китайскую рѣчь за какую то непонятную иностранную.

Пришло повторить. Обрадованно закивавъ,

китаецъ подробно рассказалъ: Ѹхать прямо, свернуть по улицѣ вправо, будеть площадь, на которой расположены казармы и домъ генерала.

Еще подѣлѣжкая къ площади, Андрей Иковлевичъ услышалъ звуки фанфаръ, а затѣмъ громко и рѣзко грянула настоящій духовой оркестръ.

—Эге, да здѣсь русскіе!—пробормоталъ Погожевъ.

Однако, оказалось, что это подъ музыку маршируетъ китайская пѣхота. У домовъ толпились любопытные горожане.

—Какъ найти даотая?—спросилъ штабъ-ротмистръ у китайца въ формѣ, повидимому, полацкаго.

Когда указалъ на группу, стоявшую посреди

площади. Погожевъ сѣѣшился и, вѣдьма

и хорошенько выводить, Андрей Иковлевичъ пошелъ на площадь.

Китайской пѣхоты было человѣкъ шестьсотъ. Вѣроятно, даотай дѣлалъ имъ смотръ, такъ какъ въ строю развѣвалось много знаменъ, огромныхъ, расшитыхъ золотыми драконами по зеленому полю. Даинно и перво выстроенная въ двѣ шеренги, пѣхота вразбрѣль, какъ попало, производила эволюцію. Опытный глазъ офицера видѣлъ, что обучены солдаты скверно. Ничего похожаго на европейскую строевую выучку въ этомъ войску не было. Однако, это не мѣшало начальству быть такимъ же, каково оно повсюду. Окруженный офицерами, стоялъ даотай и важно смотрѣлъ на маршировку. Погожевъ его узналъ по генеральскому розовому шарнику на шапочки, увѣшенной павлиньими перьями.

У Андрея Иковлевича было выработанъ такой планъ: онъ попросить даотая посодѣствовать въ покупкѣ провинта и фуражъ.

Моль, не зналъ мѣстныхъ цѣнъ въ опасаясь недоразумѣній съ жителями, прошу васъ указать способы приобрѣтенія. На этой почвѣ, конечно, тѣчать же пропойдуть скандалы и непрѣятности. Даотай, говорить, заносчивъ и даже грубъ съ русскими. Къ тому—другому можно будетъ

придраться—и рядъ бумагъ полетить начальству.

Такъ думалъ Погожевъ и, похлопывалъ стекомъ по сапогу, медленно шелъ къ группѣ китайскихъ офицеровъ.

(Прод. слѣд.)

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.¹⁴⁾

В. Д. Козлова.

(Продолжение *)

XIV

Даотая, очевидно, предупредил. Онь мелькомъ взглянула изъ штабъ-ротмистра и когда толь бы шагахъ въ шти, проговорил громко и брезгливо:

—Что надо этой русской собакѣ?

Погожевъ остановился. Онь готовъ былъ ко вся кому пріему, но не къ такому. Кровь прилила къ лицу и склонила. А даотая, нарочно не оборачиваясь къ офицеру, уверенный, что русскій по обыкновенію не знаетъ ни слова по-китайски, сказала также громко и также брезгливо:

—Переводчикъ, спроси у этой сволочи — что надо? Скажи, что только русскіе неучи могутъ лѣзть безъ приглашеній и не предупреждая. Я занята.

Онь оглянулся въ поль-оборота, смирила Погожева презрительнымъ взглядомъ, и глаза ихъ встрѣтились. Несколько сконцентрировавъ пары глазъ словно бы боролись и, вдругъ, Андрея Яковлевича толкнуло что то впередъ. Онь шагнула разъ, другой, третій. Озадаченная свита разступилась. Характерно и жестоко извигнула въ воздухъ гибкій стволъ. Розовощекое лицо дернулось вправо, потомъ влево, а твердая шапочка покатилась по пыльной земле.

—Тоже, войско! —презрительно бурчал штабъ-ротмистръ Андроновъ, вдвории совершило притихшаго китайскаго генерала въ чистую

—Она погибла. Ихъ панихица ба-

И точно подъ ногами взорвалась бомба — такъ стремительно бросилась свита вразсыпанную.

—Взять его! —равнушъ на всю площадь штабъ-ротмистръ. —Крути руки!.. Такъ!.. Веди во дворы!..

Двое дворовыхъ пограничниковъ привычно и легко подхватили даотая. Шелковая куртка, вышитая богато и парядно, разорвалась. Блескъ опѣшилъ, жалко съжался и покорно зашагалъ, подстегиваемый болью въ вывернутыхъ за спину рукахъ и налетавши кровью глазами Андрея Яковлевича.

Шестьсотъ солдатъ и человѣкъ тридцать офицеровъ, разинувъ рты, смотрѣли на эту картину и не шелохнулись. Ихъ генерала, имѣющаго надъ ними чуть-ли не право жизни и смерти, схватили три человѣка, а они стояли, загипнотизированные какимъ-то страннымъ испугомъ и влезаниемъ происшествія. Молчали фанфары, безмолвствовала оркестръ.

Погожева же было какъ въ лихорадкѣ. Иглащувъ въ карманѣ револьверъ, онь думала:

—Хорошо, иди къ оконку.

—Пусть бросится... Пусть!

И подбранный затылокъ съ длинной черной косой казался неизгыдально желанной цѣлью для первой пули.

—Тоже, войско! —презрительно бурчал штабъ-ротмистръ Андроновъ, вдвории совершило притихшаго китайскаго генерала въ чистую

войско!.. Эй, Федоровъ. Становись здесь съ винтовкой и карауль. Чуть захотеть бѣжать —вали прикладомъ, а то и пулей. Чтобы смирно сидѣть.

Даотай закрылъ глаза, что то мычать перазборчиво и покачивалъ изъ стороны въ сторону, сидя на деревянной лавкѣ.

Въ съсѣдней комнатѣ Погожевъ быстро ходилъ изъ угла въ уголъ. Отъ оскорбленія и злобы онъ все еще кипѣлъ, губы сохли и онъ то-и-дѣло облизывалъ ихъ сухимъ же языкомъ.

—Сколько у васъ патроновъ?

—Штуку по тридцать изъ винтовки.

—Ладно. Полѣзай.

Черезъ нѣсколько минутъ Андроновъ тихо проговорилъ сверху

—Малый то поскакать, ваше благородие. Лупить на гору что есть духу, только пыль вихоремъ!..

—Куда на гору?

—А въ сотню. Съ крыши видать. Бѣсть двѣнадцать будешь, я полагаю.

—Меньше.

—Нѣ, не меньше!.. Одно званіе, что дорога. Здорово подобются кони!

—Хорошо, иди къ оконку.

Захлопали ворота, толпа загудѣла изъ дворъ. Сотни голосовъ сливались въ одинъ гулъ и пальца было разобрать выкрикиваемыхъ словъ.

—Что-жъ, пусть убьютъ! —пропосилось кто-нибудь одинъ, начальнически скомандовалъ Погожевъ и сразу наступила тишина.

Вышелъ съдой, полный китасъ, съ

Потихоньку и съ опаской они подвигались къ фанзѣ, занятой русскими. Шумѣли все сильнѣй, стрѣляя чаще, потрясли надъ головами ружьями и саблями.

Снаружи шумѣли. Кажется, кто то пробовалъ крѣпость дверей. Погожевъ превратилъ на чердачъ:

—Эй, Андроновъ! Я выйду и поговорю съ ними, а ты смотри — не зѣтай. Чуть-что — пали имъ прямо въ рожу.

Будьте благородѣны, ваше благородіе, отвѣтилъ вахмистръ, и по голосу можно было догадаться, что душа его наполнена отнюдь не страхомъ, а жгучестью момента, и что менѣе всего онъ думаетъ въ эту минуту объ опасности.

Широко, со стукомъ, распахнулись двери и штабъ-ротмистръ вышелъ на крыльцо.

—Что вамъ нужно? —громко спросилъ онъ по-китайски.

Толпа загудѣла, заволновалась. Покрывая паростающей шумъ, Андрей Яковлевичъ ехать крикнулъ:

—Если осмѣетесь пасть, то сожгу весь городъ! Камня на камѣ не оставлю!..

Въ ту же минуту грохнуло нѣсколько выстрѣловъ. Злобно ударились пули въ стѣну возлѣ Погожева и руку выше локтя ожгла острой болью. Въ отвѣтъ слуховое окно фанзы всыпало огопыками и закурилось дымкомъ. Толпа шарахнулась, штабъ-ротмистръ захлопнулъ дверь и сквозь пальбу и рель визгливо понеслись крики раненыхъ.

(Прод. слѣд.).

—Я помощникъ даотая. Мы пришли просить васъ отпустить нашего начальника.

Погожевъ отвѣтилъ такъ, чтобы все слышали:

—И отпушу даотая какъ только пріѣдетъ въ городъ мое войско. Отпушу черезъ полчаса.

—И вѣсЬ понимаю, конечно, криво улыбалась и глядя въ сторону, говорилъ престолушный чиновникъ. Я понимаю, но они не желаютъ ничего знать. Требуютъ, чтобы сюю минуту освободить, и онъ указалъ на толпу.

—Вадоры! Подождутъ!.. крикнулъ Погожевъ. —Пусть спокойно разойдутся по дому, и тогда я обѣщаю, что вся исторія окончится мирно. Иначе, смотрите, вы плохо знаете пась, русскихъ!..

Толпа загудѣла, заволновалась. Покрывая паростающей шумъ, Андрей Яковлевичъ ехать крикнулъ:

—Если осмѣетесь пасть, то сожгу весь городъ! Камня на камѣ не оставлю!..

Въ ту же минуту грохнуло нѣсколько выстрѣловъ. Злобно ударились пули въ стѣну возлѣ Погожева и руку выше локтя ожгла острой болью. Въ отвѣтъ слуховое окно фанзы всыпало огопыками и закурилось дымкомъ. Толпа шарахнулась, штабъ-ротмистръ захлопнулъ дверь и сквозь пальбу и рель визгливо понеслись крики раненыхъ.

В. Д. Козлова.
(Продолжение.)

ХV.

—Ахъ, чортъ ихъ дери, кажется озвѣрь! —тревожно говорилъ Андроновъ и съ съзабоченнымъ видомъ выпускалъ пушку за пушку.—Баланъ, Храповъ. Чего возишишь? Жарь прямо въ куру!

У Погожева по руке текла кровь и, капая съ тыла ладони, образовала въ же-лобѣ между двумя пальцами темный и яркий сгустокъ. Онъ выпулъ револьверъ и вошелъ въ чистую горницу.

—Иди въ Андронову на чердакъ. Этого я самъ покараулю,—приказалъ онъ солдату.

Толстый стѣнъ фанзы представили хорошую защиту отъ пули, но окна, облицованы прозрачной бумагой, замѣнившіе стекла, уже сплошь походили на рѣшето. Но комната пули проносилась, громко шелкала, разбивая мебель, круша дерево въ щепки.

Погожевъ смотрѣлъ изъ бѣднаго дозора и думалъ со злобой:

—Обострить отношения!

Потомъ со стороны китайцевъ пальба стала рѣже. Штабсъ-ротмистръ выглянула въ окно и увидѣлъ, что на дворѣ валился десятка полтора тѣла, а остальные спрятались за ограды, за строения, въ саранъ и оттуда стрѣляютъ.

—Продержись или пѣть?—размышлялъ Погожевъ, смотрѣлъ на часы.—А вдругъ они бросятся сразу и выломаютъ двери!... Гимъ... Тогда пинки прошло...

Кровь все капаетъ. Погожевъ ощущаетъ боль, смотрѣтъ изъ рукавъ, ставшій темно-краснѣющимъ, переводить взглядъ изъ трясущихъ подбородокъ дозоръ въ пень опять всыпываѣтъ злоба.

—У—у, подлецъ!—бурчить онъ.

Есть сильное желаніе павести дуло погана и... Но штабсъ-ротмистръ сдерживаетъ.

Въ фанзѣ начинаетъ тускнѣть—зашло солнце. Тревога растѣтъ. Если Бѣлоткановъ не успѣетъ до темноты—конецъ. Этотъ сбродъ притаился и три мѣсяца винтовки заглазилъ ихъ въ поры. Но стоитъ наступить мраку—они тотчасъ же винутся.

—Наши идутъ!—по все горло ерѣтъ Андроновъ.—Шибко скатуть, ваше благородие.

—Ладно. Прекратить огонь!—отдастъ штабсъ-ротмистръ распоряженіе и чувствуетъ, что голова начинаетъ кружиться, а предъ глазами замигали желтые огни.

Снаружи поднимается невообразимый гвалтъ. Наступающая сумерки позволяютъ разсмотрѣть, какъ множество людскихъ тѣлъ шмыгаютъ черезъ заборы, ползутъ по крышамъ, ходятъ упираясь вдоль плоскости. Глухо гудитъ земля подъ полутора-растя сжатыми въздинами, тяжело хранить полутораста лопадинихъ грудей.

Но Андрей Иковлевичъ ничего этого не видитъ и не слышитъ. Тѣло его покачнулось, голова упала на плечо рядомъ сидя-

щаго дозоратъ. Тотъ испуганно отшатнулся и съ мягкимъ стукомъ Погожевъ свалился сначала на лавку, а послѣ мѣшкомъ на полъ, въ ту лужу черной крови, которая набѣжалась изъ раны.

—Что же съ этой китайской дѣлать?—съ недоумѣніемъ говорилъ Бѣлоткановъ, глядя на сидящаго все въ той же позѣ китайскаго генерала.

—Повѣстить бы за озорство,—тихо ронялъ вахмистръ Андроновъ и плотоядно склонился.

—Повѣстить? Гимъ... Это, конечно, правильное разсужденіе. Однако, спѣшить не къ чему. Всѣтаки генералъ.

—Генералъ!—презрительно цѣдѣлъ вахмистръ.—Генералъ!.. Нѣшто такіе генералы-то!

—Ну-ну, помолчи, братецъ. Тебѣ не спрашиваютъ. Если его надлежитъ повѣстить, то, не бойся, вздернемъ въ лучшемъ видѣ... какъ командиръ?

—Лежитъ. Фершаль приютили въ здѣсь.

—Значитъ, заночуешь здѣсь. Разставь дозоры, да гляди у меня—не спать!

Вскрѣвъ Погожевъ пришелъ въ себѣ и дозоръ подъ охраной взвода отвели въ его губернаторскій домъ и сдали съ руки помощнику, для вѣрности взявъ расписку. Въ полночь сотня ушла изъ города, а утромъ Андрей Иковлевичъ комантировалъ къ подполковнику Бѣлотканову, чтобы тотъ лично доложилъ обо всѣхъ событияхъ.

—Продержись или пѣть?—размышлялъ Погожевъ, смотрѣлъ на часы.—А вдругъ они бросятся сразу и выломаютъ двери!... Гимъ... Тогда пинки прошло...

Погожевъ смотрѣлъ изъ рукавъ, ставшій темно-краснѣющимъ, переводить взглядъ изъ трясущихъ подбородокъ дозоръ въ пень опять всыпываѣтъ злоба.

—Отдайте его мнѣ.

—То-есть, какъ это?—не понялъ Бѣлоткановъ.

—И возьму его къ себѣ и буду пользоваться. У меня есть вратъ, есть медикаменты. Отдайте, словно бы въ лазаретъ.

Поручикъ поколебался, но атамана поддержалъ Крыловскій:

—Это, по-моему, прекрасная мысль. Если полковникъ такъ добръ, то ничего лучшаго не придумать.

И вотъ однажды ночью Андрей Иковлевичъ Погожевъ очнулся въ странной незнакомой обстановкѣ. Первой его мыслью было, что это ломанъ дозоръ. Съ проступившимъ на лбу холоднымъ потомъ, штабсъ-ротмистръ Погожеву въ руки разѣявшійся толпы! Въ Портъ-Артурѣ во всемъ этомъ отлично разберется и станутъ на сторону Андрея Иковлевича...

По воспаленію лихорадкой кровь мутила и спутывала работу мозга. Ни съ того, ни съ сего появилась вдругъ страшная предчувствія и страшная картина. Штабсъ-ротмистръ мерещилось, что его обязательно должны арестовать, что гдѣ то здѣсь, близко, за дверями, уже ждутъ и подстерегаютъ тюремщики. Поступокъ его съ дозоромъ рисовался мрачнымъ и тяжелымъ преступленіемъ. Погожевъ вскакивалъ, кричалъ, звать вахмистра Андронова, хваталъ фельдшера за руки, умолялъ защитить его и спрятать.

Послѣ слова наступало облегченіе, видѣ-

шія исчезали, Андрей Иковлевичъ успокаивался.

Такъ шло три дня. Бѣлоткановъ уже подумывалъ объ отправлении команда въ лазаретъ. Поручикъ доложилъ начальству о случѣ въ Финъ-Хуанъ-Ченѣ и, кажется, подполковникъ генерального штаба весьма этому происшествію обрадовался. Онь подробно разспрашивалъ Бѣлотканова и приказалъ, чтобы сотня ничего не предпринимала и ожидала дальнѣйшихъ событий на новочѣ постѣ въ двѣнадцати verstахъ отъ Финъ-Хуанъ-Чена.

На четвертый день состояние Погожева стало особенно тревожнымъ. Ни на минуту не приходи въ сознаніе, онъ метался и кричалъ, иска спасенія отъ какихъ то невидимыхъ преслѣдователей. Бѣлоткановъ ходилъ по двору нахмуренный, въ сотни царило тревожное настроение.

—Глупѣшее положеніе!—говорилъ Бѣлоткановъ корнету Крыловскому.—Отправлять его въ такомъ состояніи въ Ляонинъ или въ Портъ-Артуръ невозможно. Это вѣрная смерть. Если бы былъ хоть экипажъ какой-нибудь, а то неугодно ли трасти въ фудутунѣ дѣсти вереть по сопкамъ и оврагамъ. На нашего же фельдшера на дежурѣ плохая.

—Вызвать врача,—совѣтовалъ Крыловскій.

—Легко сказать. Пока вызовешь, пока онъ приѣдетъ—пройдетъ дѣвъ недѣли.

Вечеромъ ожиданно явился Линъ-Чи. Узнавъ, что Погожевъ раненъ и лежитъ безъ сознанія, атаманъ спечалился. Онь внимательно осмотрѣлъ больного и предложилъ:

—Отдайте его мнѣ.

—То-есть, какъ это?—не понялъ Бѣлоткановъ.

—И возьму его къ себѣ и буду пользоваться. У меня есть вратъ, есть медикаменты. Отдайте, словно бы въ лазаретъ.

Поручикъ поколебался, но атамана поддержалъ Крыловскій:

—Это, по-моему, прекрасная мысль. Если полковникъ такъ добръ, то ничего лучшаго не придумать.

И вотъ однажды ночью Андрей Иковлевичъ Погожевъ очнулся въ странной незнакомой обстановкѣ. Первой его мыслью было, что это ломанъ дозоръ. Съ проступившимъ на лбу холоднымъ потомъ, штабсъ-ротмистръ Погожеву въ руки разѣявшійся толпы! Въ Портъ-Артурѣ во всемъ этомъ отлично разберется и станутъ на сторону Андрея Иковлевича...

По воспаленію лихорадкой кровь мутила и спутывала работу мозга. Ни съ того, ни съ сего появилась вдругъ страшная предчувствія и страшная картина. Штабсъ-ротмистръ мерещилось, что его обязательно должны арестовать, что гдѣ то здѣсь, близко, за дверями, уже ждутъ и подстерегаютъ тюремщики. Поступокъ его съ дозоромъ рисовался мрачнымъ и тяжелымъ преступленіемъ. Погожевъ вскакивалъ, кричалъ, звать вахмистра Андронова, хваталъ фельдшера за руки, умолялъ защитить его и спрятать.

Послѣ слова наступало облегченіе, видѣ-

шія исчезали, Андрей Иковлевичъ успокаивался.

—Наго пѣть—очевидно, Погожевъ въ пѣни удается.

И вдругъ мелькнула мысль:

—Бѣжать!.. Бѣжать, пока ночь, пока надзоръ слабъ, пока его считаютъ умирающимъ и лежащимъ безъ сознанія. Бѣжать сю минуту!

Рядомъ съ лампой на столѣ какія то стеклянки и бутылки. Держась за стулья, за столъ, колеблющійся и трясущійся отъ волненія и слабости, Андрей Иковлевичъ беретъ первую попавшуюся бутылку и по запаху узнаетъ хересъ. Прямо изъ горышика пьетъ. Сухое вино живымъ пламенемъ проходитъ по гѣзу, сразу ударяетъ въ голову.

—Бѣжать!.. Гдѣ одежда?...

Торопясь, боясь дышать, штабсъ-ротмистръ падѣваетъ рейтязы, натягиваетъ сапоги, кителъ, предусмотрительно отстегивая киты, чтобы не засѣкли. Какака удача—револьверъ, старый испытанный Ноганъ! Это придастъ Погожеву столько силъ и отваги, что онъ готовъ хоть въ бой.

—Понробуйте!—рѣзко и вызывающе отвѣтилъ баритонъ и Погожевъ чуть не вскрикнулъ, узнавъ, наконецъ, атамана Линъ-Чи.

—Подумайте, удобно ли вамъ ссориться съ русскими. Русскіе любятъ вамъ убѣжать. Ваша голова оценена, за вами по-всюду слѣдятъ.

—Чепуха! Для меня весь Китай—убѣжите. И перебрасусь со своими людьми въ любую провинцію и вездѣ буду такой же хозяинъ. Моя голова оценена, но стоитъ мнѣ показаться въ Мукденѣ, Тинь-Цинѣ, Чифу, Шанхай—какъ вѣсна правительственныхъ власти бѣгутъ искать встрѣчать. Вице-короли подносятъ мнѣ хлѣбъ-солъ и устраиваютъ въ честь моего поѣздія парадный праздникъ. Зачѣмъ вы говорите заѣдомъ неправду? Русскимъ я больше нуженъ, чѣмъ они мнѣ. Не я плаку памъ за союзъ съ вами, а вы мнѣ. Не я искаль дружбы съ вами, а вы ей искали. И не боюсь вашихъ угрозъ и мнѣ не страшна дѣбла китайской администраціи.

—Но вы забываете, что съ одной стороны стонгъ русская казачья бригада, съ трехъ остальныхъ наши пограничные сотни. Вы окружены, вамъ не дадутъ уйти.

—Ха, ха, ха!—разсмѣялся Линъ-Чи.—Бригада! Сотни! Оставьте, почтенѣйши! Во-первыхъ, у меня тоже бригада. Да-съ, не улыбайтесь. Испытавшая, вѣрила бригада, европейски обученная и прекрасно спѣжившая оружіемъ. А главное, моя бригада—изъ ртути. Понимаете, она неуловима, моя бригада. По моему слову, бригада эта растаетъ черезъ часъ. Была и нѣть ея. Смыкается съ мирнымъ населеніемъ, разсыпается, какъ горѣть песку на рѣчномъ берегу. А черезъ недѣлю—минута въ минуту—мы выныремъ за сотни верстъ, гденибудь по ту сторону Ляо-хэ, или возле Шанхая, подъ стѣнами Пекина.

—Мнѣ надоѣло спорить съ вами, Линъ-Чи. Отѣйтѣте прямо: согласны вы выдать похищенную американку, или не согласны?

—Нѣть, не согласны.

—Пусты кричать. Отѣйтѣте, что Маньчжурія хунхузамъ полную волю. Въ Америкѣ и въ Японіи по этому поводу приличать на всѣхъ перекрестьяхъ, грозить.

—Пусть кричатъ. Отѣйтѣте, что Маньчжурія русскими не оккупирована и русская юрисдикція въ странѣ этой не имѣть силы. Пусть предъявляютъ обвиненія китайскому правительству, говорить знакомый голосъ.

Погожевъ не знаетъ, что ему дѣлать: вѣйти ли въ комнату разговаривающихъ или потихоньку удалиться. Онь еще не успѣлъ принять того или иного решения, какъ почувствовалъ, что въ общирномъ заѣдѣ онъ не одинъ. Отъ темной стѣны отдѣлилась невысокая светлая фигура и, изъ привидѣнія, вошла на штабсъ-ротмистра.

—Кто это?—старается припомнить Погожевъ. И о чёмъ они говорятъ?

Въ слѣдующую минуту тема бесѣды для штабсъ-ротмистра становится понятной.

—Не упорствуйте, мой милый, говоритъ теперь, произносящий «г» вместо «р». Покинувъ эту г-жу Тринклеръ, вы столько надѣяли памъ хлопотъ, что право же наши условія незаслуженно мягки. Выдайте ее и дѣлу конецъ.

—Вы шутите. Съ какой стати я выдамъ вамъ женщину, которая не желаетъ быть выданной. Она пришла по своей волѣ и уйдетъ только тогда, когда сама этого захочетъ.

—Берегитесь! Я принужденъ буду прѣбѣгнуть въ силѣ, твердо выговорилъ картавий.

—Понробуйте!—рѣзко и вызывающе отвѣтилъ баритонъ и Погожевъ чуть не вскрикнулъ, узнавъ, наконецъ, атамана Линъ-Чи.

—Подумайте, удобно ли вамъ ссориться съ русскими. Русскіе любятъ вамъ убѣжать. Ваша голова оценена, за вами по-всюду слѣдятъ.

—Чепуха! Для меня весь Китай—убѣжите. И перебрасусь со своими людьми въ любую провинцію и вездѣ буду такой же хозяинъ. Моя голова оценена, но стоитъ мнѣ показаться въ Мукденѣ, Тинь-Цинѣ, Чифу, Шанхай—какъ вѣсна правительственныхъ власти бѣгутъ искать встрѣчать.

—О, да вы сло стоне!—проговорила американка, всмотрѣвшись въ лицо офицера.—Басть дурно, да?

Мягко Андрей Иковлевичъ опустился на одно колѣно, постѣ на другое и коснулся лицомъ ея платья.

—Что вы говорите?.. Громче. Я не слышу.

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.¹⁶⁾

В. Д. Мозлова.

(Продолжение *).

XVI.

Утромъ Андрей Иковлевичъ былъ разбуженъ звономъ шпоръ—по комнатѣ ходилъ поручикъ Былткановъ.

—А, это вы, Иванъ Ивановичъ. Какъ дѣла?—бодро спросилъ командиръ.

Поручикъ не изъ шутки обрадовался.

—Батюшка, отецъ родной! Снимите, ради Создателя, тяжесть эту. Ну ее къ дѣло! Замотался я, не знаю, какъ быть.

—Въ чёмъ дѣло?

—Да какъ же! Нашъ подполковникъ присыпалъ предписание, строжайшее и секретнейшее, чтобы и я, и сотня закрыли глаза на поступки Линь-Чи. Какъ бы онъ

себя ни вѣрь, что бы онъ ни дѣлалъ—мы слышили бы не видѣть, не слышать. Понимаете? Никакъ, Линь-Чи взялся расказать окончательно даотая—такое я, по крайней мѣре, вывелъ заключеніе. Ну, и значитъ, чтобы мы не сдавались. Пусть лупитъ...

—Такъ что же? Сидите и ждите.

—Въ томъ то и штука, что не даютъ сидѣть. Вчера приѣхалъ изъ Портъ-Артура дипломатический чиновникъ. У него полночию отъ главнаго начальника и конвой въ 12 человѣкъ. Ивили онъ съ какой то миссіей къ Линь-Чи...

—Ну, дальше,—перебилъ Погожевъ.

—О чёмъ они говорили,—чортъ ихъ знаетъ. Только приѣзжаетъ чиновникъ сегодня утромъ и, какъ бы вы думали, какое онъ отдастъ мнѣ приказаніе?

—Ну?

Былткановъ, говорившій и раньше въ полголоса, теперь тревожно осмотрѣлся и зашепталъ на ухо командиру:

—Онъ приказываетъ арестовать Линь-Чи. Захватить и его, и каждую то женщину, любыи иль украденную и содержащуюся здѣсь въ плену. Иль-за этой бабы, будто бы, происходитъ множество недоразуменій между нашимъ правительствомъ и Соединенными Штатами...

Андрей Иковлевичъ приподнялся на локти, глаза его заблестали и онъ спросилъ въ волненіи:

—Вы говорили, что наша сотня ничего подѣлать не сможетъ, что шайка Линь-Чи очень многочисленна и отлично вооружена, имѣетъ пулеметы и даже четыре горныхъ орудія?

—Говорилъ.

—Ну, и это же?

—Онъ настаиваетъ, чтобы обманомъ взять.

—Какимъ образомъ?

—Всѣ бунты хунхузовъ должна произвести какую то операцию и здѣсь ее не будетъ. Этимъ я долженъ воспользоваться, напасть и захватить въ пленъ, послѣ чего спѣшно двинуться въ Ляодунь.

—Глупости,—рѣзко проговорилъ Погожевъ.—Мы не имеемъ права нападать на Линь-Чи, такъ какъ онъ—нашъ союзникъ. Пусть чиновникъ переговорить съ нашимъ непосредственнымъ начальствомъ. Когда подполковникъ, которому мы подчинены, отдать намъ такое приказаніе—тогда другое дѣло.

—Но у этого бумаги подписаны главными начальникомъ.

Чуть-чуть близорукій, молодой, высокий, выложеній, блондинъ, въ высокихъ сапогахъ и почему то со шпорами, чиновникъ вздыхаетъ:

—Прибыль къ вамъ по приказанію высшаго начальства въ краѣ. Чиновникъ русской дипломатической миссіи, баронъ фонъ-Крайфъ. Очень радъ познакомиться.

—Да и вообще—я командиръ сотни. Скажите этому чинодралу, что пусть со мною поговорить. Эхъ, прислуга! Бой!.. Одѣваться!

Вся слабость почти моментально исчезла. Погожевъ чувствовалъ легкую боль въ руки—и только. Что то подсказывало ему, что готовятся важныя события и ихъ слѣдуетъ взять въ свои руки.

Одѣтый, съ лѣвой рукой на перевязи, онъ, какъ вчера, выпилъ хересу прямо изъ бутылки и приказалъ китайцу:

Доложи полковнику Линь-Чи, что я немедленно хочу его видѣть. Скажи: я сейчасъ уѣзжаю.

Былткановъ отъ удовольствія потирали руки.

—Вотъ это здорово! Это я понимаю!.. А то, чортъ ихъ знаетъ, кого слушать.

—Гдѣ этотъ чиновникъ?

—Въ сотнѣ. Я оставилъ его засѣдѣвать съ корнетомъ Крыжовскимъ, а самъ послѣдилъ донести... Очень чванная бестія!

—Кто, чиновникъ то?

—Ну-да. Не вступаетъ ни въ какія объясненія. Приказываетъ, будто генераль—и инспекторъ.

—Подполковника Линь-Чи нетъ. Уѣхалъ съ утра и незамѣтно, гдѣ онъ,—сказалъ вернувшійся китаецъ.

—Хорошо. Когда полковникъ вернется, то передай, чтобъ очень благодарю его за пріятельство. Это на тебѣ...

Одѣлывть прислугу, Погожевъ уѣхалъ. До деревни, гдѣ стояла сотня, было вереть шесть.

* См. «Кіевлянинъ» № 147.

Всю дорогу офицеры молчали. Андрей Иковлевичъ думалъ о томъ, что планъ измѣнническаго нападенія на Линь-Чи—позорный планъ. Всѣ его симпатіи тянулись къ атаману и къ той красивой женщинѣ, которая такъ странно появилась ночью и которую будто сквозь сонъ вспоминала штабъ-ротмистръ. Чиновникъ же былъ непріятель и, если представится хоть малѣшая возможность не исполнить его требованій, то Погожевъ, конечно, ихъ не исполнитъ. Чуть столкнется съ подполковникомъ. Ударъ я его и оставлю на свободѣ—онъ, пожалуй, повѣсили бы меня на площади вмѣстѣ съ моими солдатами.

—Для самозашиты. Ударъ я его и оставлю на свободѣ—онъ, пожалуй, повѣсили бы меня на площади вмѣстѣ съ моими солдатами.

—Даже павѣрное повѣсили бы,—подтвердилъ Былткановъ.

—Вы именно такой человѣкъ, какой мнѣ нуженъ. Вамъ говориль поручить о моемъ планѣ относительно Линь-Чи?—спросилъ фонъ-Крайфъ.

—Не ясно говориль. И многаго не помнить.

Чуть-чуть близорукій, молодой, высокий, выложеній, блондинъ, въ высокихъ сапогахъ и почему то со шпорами, чиновникъ вздыхаетъ:

—Этого хунхуза нужно захватить. Помимо того, что мы обязаны освободить цѣнницу американку, имъ похищенную въ Артурѣ, но есть еще другія причины.

—Именно?

—Гмъ... Онъ не удобенъ для пасъ и дружба эта русскихъ очень компрометируетъ. Линь-Чи не просто хунхузъ, а глава тайной партии, мечтающій произвести въ Китаѣ государственный переворотъ. Мы не можемъ такимъ господамъ покровительствовать и, тѣмъ болѣе, входить съ ними въ союзы. Это ошибка некоторыхъ офицеровъ генерального штаба изъ увлекающихся и спаниститомъ сталъ ее уничтожать. Баронъ присматривался, къ командиру, прихлебывалъ душистый чай и вдругъ спросилъ:

—Послушайте, какъ же вы это рѣшились?

—Что?

—А этого даотала. Вѣдь они могли растерять васъ! При войскахъ, при офицерахъ!

—Ну, вотъ еще!—безпечно улыбнувшись отвѣтилъ штабъ-ротмистръ.

—Когда мнѣ рассказалъ корнетъ Крыжовскій—я не поверилъ. Думалъ, преувеличивалъ.

—Разъ до васъ это не дошло?

—Нѣтъ еще. Въ Артурѣ противъ этого даотала изнываются дипломатическая козни... Однако, это интересно. Вы разсказывайте.

—Что жъ тутъ разсказывать. Я подошелъ, а онъ ругается. Сволочь, говорить, собака, говорить. Я его стакомъ и приказалъ скрутить.

—Неужели по лицу стакомъ?

—А какъ же. Будь это не китаецъ, а французъ, англичанинъ, иѣменъ—все равно скрутилъ бы. Какъ же иначе? Только и остается—въ морду!

Одѣливъ прислугу, Погожевъ уѣхалъ. До деревни, гдѣ стояла сотня, было вереть шесть.

—Гмъ... Да-а-а!—протанулъ чиновникъ.

Европесть ничего подобнаго себѣ не позволялъ бы, а азѣйтъ зазнается и оставлять этого нельзя.

—Есѧтаки, знаете, круто. Еще ударить—я понимаю. Оскорблѣніе за оскорблѣніе. Но крутить руки и братъ подъ арестъ! Гимъ... Это—сильно.

—Для самозашиты. Ударъ я его и оставлю на свободѣ—онъ, пожалуй, повѣсили бы меня на площади вмѣстѣ съ моими солдатами.

—Даже павѣрное повѣсили бы,—подтвердилъ Былткановъ.

—Вы именно такой человѣкъ, какой мнѣ нуженъ. Вамъ говориль поручить о моемъ планѣ относительно Линь-Чи?—спросилъ фонъ-Крайфъ.

—Не ясно говориль. И многаго не помнить.

—Гмъ... Я знаю причину,—право умѣхалъся, проговорилъ баронъ.—Бажется, вы изволите состоять къ очень близкихъ личныхъ отношенияхъ съ этимъ хунхузомъ?

—Нѣтъ, не состою. Вы не знаете причинъ, баронъ фонъ-Крайфъ,—отчетливо выговаривая слова, отвѣтилъ Погожевъ.—Но если угодно, я скажу вамъ эти причину.

Брыжовский, кое-какъ передвигавшійся съ палкой по комнатѣ, угощалъ Крайфа чашью и коньякомъ. Видя, что гость не спѣшилъ сообщать о цѣли прѣѣзда, Погожевъ приказалъ сдѣлать себѣ личину и спѣшилъ взять въ свои руки.

—Нѣтъ, не сдѣлать для пасъ и дружба эта русскихъ очень компрометируетъ. Линь-Чи не просто хунхузъ, а глава тайной партии, мечтающій произвести въ Китаѣ государственный переворотъ. Мы не можемъ такимъ господамъ покровительствовать и, тѣмъ болѣе, входить съ ними въ союзы. Это ошибка некоторыхъ офицеровъ генерального штаба изъ увлекающихся и спаниститомъ сталъ ее уничтожать. Баронъ присматривался, къ командиру, прихлебывалъ душистый чай и вдругъ спросилъ:

—Послушайте, какъ же вы это рѣшились?

—Что?

—А этого даотала. Вѣдь они могли растерять васъ! При войскахъ, при офицерахъ!

—Ну, вотъ еще!—безпечно улыбнувшись отвѣтилъ штабъ-ротмистръ.

—Когда мнѣ рассказалъ корнетъ Крыжовскій—я не поверилъ. Думалъ, преувеличивалъ.

—Разъ до васъ это не дошло?

—Нѣтъ еще. Въ Артурѣ противъ этого даотала изнываются дипломатическая козни... Однако, это интересно. Вы разсказывайте.

—Что жъ тутъ разсказывать. Я подошелъ, а онъ ругается. Сволочь, говорить, собака, говорить. Я его стакомъ и приказалъ скрутить.

—Неужели по лицу стакомъ?

—А какъ же. Будь это не китаецъ, а французъ, англичанинъ, иѣменъ—все равно скрутилъ бы. Какъ же иначе? Только и остается—въ морду!

Одѣливъ прислугу, Погожевъ уѣхалъ. До деревни, гдѣ стояла сотня, было вереть шесть.

—Гмъ... Да-а-а!—протанулъ чиновникъ.

—О томъ, что моя сотня отчисляется изъ распоряженія подполковника, и переходить въ подчиненіе къ вамъ.

Баронъ фонъ-Крайфъ подалъ Погожеву казенную бумагу съ печатью и подписьми. Внимательно прочитавъ, штабъ-ротмистръ сказалъ:

—Здесь сказано, что всѣ начальники отрядовъ и частей войскъ, отъ генераловъ до низшихъ чиновъ, обязаны оказывать всесторонне содѣйствіе и поддержку. Но здесь ни слова не говорится о вѣрной мати сотни. Поэтому я не возьму на себя ответственности за столь крупное дѣло, какъ арестъ полковника Линь-Чи. Я это могъ бы сдѣлать лишь по точному и категорическому предписанію своего непосредственнаго начальства.

—То есть, вы отказываетесь?—спросилъ чиновникъ и привесился къ табурету.

—Рѣшительно отказываюсь.

—Гмъ... Я знаю причину,—право умѣхалъся, проговорилъ баронъ.—Бажется, вы изволите состоять къ очень близкихъ личныхъ отношенияхъ съ этимъ хунхузомъ?

—Нѣтъ, не состою. Вы не знаете причинъ, баронъ фонъ-Крайфъ,—отчетливо выговаривая слова, отвѣтилъ Погожевъ.—Но если угодно, я скажу вамъ эти причину.

Брыжовский, кое-какъ передвигавшійся съ палкой по комнатѣ, угощалъ Крайфа чашью и коньякомъ. Видя, что гость не спѣшилъ сообщать о цѣли прѣѣзда, Погожевъ приказалъ сдѣлать себѣ личину и спѣшилъ взять въ свои руки.

—Нѣтъ, не сдѣлать для пасъ и дружба эта русскихъ очень компрометируетъ. Линь-Чи не просто хунхузъ, а глава тайной партии, мечтающій произвести въ Китаѣ государственный переворотъ. Мы не можемъ такимъ господамъ покровительствовать и, тѣмъ болѣе, входить съ ними въ союзы. Это ошибка некоторыхъ офицеровъ генерального штаба изъ увлекающихся и спаниститомъ сталъ ее уничтожать. Баронъ присматривался, къ командиру, прихлебывалъ душистый чай и вдругъ спросилъ:

—Послушайте, какъ же вы это рѣшились?

—Что?

—А этого даотала. Вѣдь они могли растерять васъ! При войскахъ, при офицерахъ!

—Ну, вотъ еще!—безпечно улыбнувшись отвѣтилъ штабъ-ротмистръ.

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.¹⁷⁾

В. Д. Козлова.
(Продолжение *).

XVII.

Сдвижная покатость крыши съ западной стороны была убрана, образуя родь балкона. Въ начальствѣ сидѣла молодая женщина, на парапетѣ, устланномъ коврами, прелестъ Линъ-Чи. Чай, по-китайски заваренный прямо въ чашкахъ, стоялъ изъ троихъ миниатюрныхъ столикахъ. Стыль и курилъ дурманящий сильнымъ запахомъ зеленыхъ чайныхъ листьевъ. Заходило солнце и надъ огромнымъ мѣстомъ, занятымъ старыми, причудливыми крышами китайскихъ построекъ, нависла сторожная тишина. Было похоже, словно бы это не лагерь хунхузовъ, а монастырь, и все обитатели его молятся предъ контию днія торжественно и безмолвно.

По видимому продолжал начатое раньше, Линъ-Чи не громко говорилъ:

— Да, я былъ увѣренъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Пылкія головы на то и созданы пылкими, чтобы до времени терпѣть ихъ. А зари далеко...

Онъ замолчалъ и задумался. Женщина медленно покачивалась, врядъ ли слыша слова атамана. У ней была наружность изъ тѣхъ, которыхъ надолго остаются въ памяти даже послѣ мимолетной встречи. Въ частности ничего особеннаго и ни одной черты лица строго правильной. Но въ общемъ характерный профиль, рѣзко измѣненный, словно бы всегда неподатливый, всегда вызывающій, всегда готовый дать отпоръ. И какъ это постоянно бываетъ въ женскихъ лицахъ, останавливающихъ на себѣ внимание, впечатлѣніе красоты создавали глаза—большіе синіе глаза.

* См. „Кievлянинъ“ № 149.

Пусть у женщины будуть идеально правильны всѣ черты, пусть будетъ лучезарный цѣль лицо, но если глаза недостаточно велики, если они не выразительны, если ими, какъ синемъ душа, не озарена вся фигура женщины—то не назовутъ красивой. И наоборотъ, черты, созданные болгомъ кос-какъ, плохо подобранныя, будто выхваченные изъ разныхъ расъ и разныхъ стилей, черты съ явными изъянами, но освѣщенныи красивыми глазами—производятъ неотразимое впечатлѣніе. Княжна Марья Волконская, такъ изумительно созданная Львомъ Толстымъ, благодаря чудеснымъ глазамъ могла казаться красавицей, имѣя старое, почти уродливое лицо, въ пятнахъ, съ дряблой кожей, въ веснушкахъ. Женщина, сидѣвшая на балконѣ, была отнюдь не уродъ, а огромные, синие, тревожные глаза дѣлали ее красавицей.

Линъ-Чи задумчиво говорилъ:

— Конечно, я не пойду на повлонь въ Портъ-Артуръ. Что я лишусь дружбы русскихъ—конечно плохо. Но если бы мнѣ предложили на выборъ: вернуть жизнь Лянжентуну или потерять покровительство Портъ-Артура—я, конечно, выбралъ бы Лянжентуна. Такихъ помощниковъничѣмъ не замѣнишь... Ты, Клара, кажется меня не слушаешь?

Встряхнувшись забѣло плечами, она отвѣтила:

— Нѣтъ, я слышала, только думала о другомъ... Ты говоришь о Лянжентунѣ.

— Да, это пылкая голова. Вѣсть о его смерти поразила всѣхъ насъ.

— Тебѣ известны подробности?

— Нѣтъ, но ихъ легко восстановить. Попался съ моими бумагами, неосторожно обронилъ лишнее слово—и отрубили голову. Безъ суда...

— Если ты знаешь, что онъ неостороженъ,

не нужно было посыпать его въ такое опасное мѣсто, равнодушно проговорила молодая женщина и добавила громко:— Заху! Подай горячаго чаю.

Вошелъ мальчикъ-слуга и обмылъ чашки.

— По какъ я отомшу за Лянжентуна!— выразительно проговорилъ Линъ-Чи. Какъ отомшу!

— Ты такъ часто говоришь о месть, что это перестаетъ казаться страшнымъ,—протянула недовольнымъ тономъ Клара.

Полковникъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо и отвѣтилъ тихо:

— Месть—мечта. Чтобы наши мучители современемъ въ свою очередь помучились—

нужно сдѣлать китайскій народъ болѣе счастливымъ. Это будетъ высшей местью вашей.

— Но нужно же достигать. Нельзя только желать, говорить и мечтать.

— Ты строга сегодня.

— За то вы всѣ стали въ себѣ черезчуръ свыходительны.

Линъ-Чи хотѣлъ что то возразить, но сдержался и промолчалъ. Она тоже молчала долгое время, а затѣмъ сказала съ ноткой раздраженія:

— Месть, месть!.. Безправный народъ!..

Мучители и мученики!..

Сегодня должна быть и я, и я пойду.

— Почему не знаешь?

— Вѣдь ты же видишь: начались неудачи.

Все шло хорошо и вдругъ всюду возникаютъ недоразумѣнія. Лянжентунъ казненъ, русские грозятъ разрывомъ и преслѣдованиемъ. Можетъ быть, мнѣ снова придется убежать изъ буриан полоса и придется спасать людей своихъ и дѣло. Развѣ можно въ моемъ положеніи загадывать о будущемъ?

— И—научи? Да, ха, ха!..

Смѣхъ ей пронесся обидно и больно.

На многочисленныхъ дворикахъ скучнаго и тѣснаго хунхузского городка затонтались. Поднялся шумъ, крики. Выводили лошадей.

— Прощай, Клара,—сказалъ Линъ-Чи, появился на балконѣ.

— Ты уѣзжаешь? Надолго?

— Нѣтъ, вѣроятно, лишь на пѣсколько дней.

— И это секретъ—куда?

— Не секретъ, но такое непрятное и.. и

пустое дѣло, что лучше я рассказалъ о немъ послѣ.

— Ну, прошай, мой Линъ.

Она встала, потянулась въверху—къ его головѣ—закинула руки ему за шею и прижалась. Такъ они простонали пѣсколько минутъ.

— Не сердись на меня, Линъ.—тихо сказала она.

— Ты соскучилась здѣсь, Клара,—проговорилъ онъ серьезно.—Я вижу—тебѣ скучно.

— Нѣтъ, это не потому.

— Я вижу—тебѣ скучно,—повторилъ онъ.

— Отъ Пиргеля скоро получатся вѣсти. Ты пойдешь въ Шанхай, въ Америку, въ Европу—и развлечешься. Потерпи немного, Клара. Пока Пиргель не устраритъ препятствія—тебѣ лучше побывать здѣсь.

— А ты?

— Не знаю еще. Можетъ быть, и я пойду.

— Почему не знаешь?

— Вѣдь ты же видишь: начались неудачи.

Все шло хорошо и вдругъ всюду возникаютъ недоразумѣнія. Лянжентунъ казненъ, русские грозятъ разрывомъ и преслѣдованиемъ. Можетъ быть, мнѣ снова придется убежать изъ буриан полоса и придется спасать людей своихъ и дѣло. Развѣ можно въ моемъ положеніи загадывать о будущемъ?

— Въ тихомъ голосѣ атамана хунхузовъ звучала не жалоба, а какая то супорядочность отъ всего личного, что томошацкое.

— Ну, прошай, Линъ!

Руки Клары порывисто стиснули его шею, губы обожгли.

— Прощай, Линъ!..

Изъ-за строеній не было видно, какъ уходилъ отрядъ, но по густому тоноту лошадей женщина догадалась, что хунхузовъ много, можетъ быть пѣсколько сотъ. Опершись на парапетъ балкона руками, она всматривалась въ сумракъ. Вотъ на дорогѣ, зѣвшей между холмовъ, показалась вереница движущихся всадниковъ. Несколько, сильнѣе, подобно тѣплымъ на худо освѣщенномъ экранѣ, они шли и шли—долго шли, скрываясь за поворотомъ на холмѣ, а появляясь изъ-за гребешка соседней крыши. Наконецъ, послѣдніе исчезли, виточка дороги опустѣла и вскорѣ совершенно слилась съ ночнымъ мракомъ.

Женщина отошла отъ парапета, зѣвнувъ потянулась и безъ всякой видимой причины тихо засмѣялась. Пришелъ бой и, пыхтя отъ успѣя, закрылъ балконъ. Отлогая крыша со скрипомъ стала на свое мѣсто, замѣта тусклую большую и пустоватую чердачную комнату.

— Подаи, Заху, огонь внизъ,—сказала женщина.

Она прошагла по темнымъ комнатахъ, Заху зажегъ лампу подъ цѣтнымъ абажуромъ. Удобно улегшись на диванѣ съ ногами, Клара открыла книгу, но чтеніе, надо думать, не отвлекло отъ какихъ то своихъ мыслей. Страницы переворачивались, лобъ слегка морщился въ сосредоточенномъ выраженіи однако, временами рука съ книжкой откидывалась далеко въ сторону и такъ изъ долго замирала. Синіе глаза широко открывались, глядя въ одну точку, губы складывались въ подобіе улыбки. Потомъ снова продолжалось чтеніе.

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

18

В. Д. Нозлова.

(Продолжение).

XVIII.

— Ужинать въ столовой будете? спросилъ Заху.

— Накрой въ столовой.

— Одинъ приборъ?

— Фу, какой ты дуракъ, Заху,—засмѣявшись сказала женщина.—Конечно, одинъ, ведь полковникъ уѣхалъ.

— У полковника сидѣть русскій офицеръ.

— Какой?

— Тотъ, что лежалъ у насъ, раненый.

Клара быстро поднялась и рѣзко проговорила:

— Почему же ты не сказала мнѣ? Давно онъ ждѣтъ?

— Часа два.

— А теперь сколько?

— Около полуночи.

— Что ему нужно?

— Полковника нужно. Онъ сказалъ, что будетъ ждать.

— Попроси его ко мнѣ,—сказала женщина и добавила громко въ сѣдѣ:—Накрой два прибора.

Привычнымъ жестомъ она поправила волосы, потомъ прошлась по комнатѣ и, какъ давеча, безпринципно засмѣялась.

Погожевъ вошелъ взволнованный, счастливый одною лигь возможностью увидѣть незнакомку, о которой онъ столько думалъ.

— Отчего вы такъ внезапно настъ покинули?—спросила она, здороваясь.—И не успѣла даже познакомиться съ вами какъ слѣдуетъ.

Онъ пояснилъ, щелкая шторами. Рука его была горяча и дрожала. Лицо и глаза казались такими, словно бы лихорадка вернулась въ прежней силѣ.

— Вы рано встали,—сказала она.—У васъ сырь.

— О, вѣтъ! Уѣзжая васъ, я здоровъ.

Назавъ такъ, они говорили о неинтересномъ и дальше.

Ожидая прихода русскаго офицера, она пережила что то въ родѣ легкаго перваго волненія, почему то этотъ приходъ казался значительнымъ. Подъ вліяніемъ же неизвестнаго разговора это прошло.

Сидя за столомъ, она спросила, не скрывая любопытства:

— Это правда, что мнѣ рассказалъ про вѣсъ полковникъ Линъ-Чи? Вы побили и арестовали даотая въ присутствіи его войскъ?

— Да, это было. Онъ оскорбилъ меня.

Она тихо, какъ бы для себя только, обронила:

— Какъ это дѣль—рѣшительность! Какъ быстро она завершаетъ борьбу побѣдой!— и вздохнула.

Имъ прислуживалъ Заху, появляясь и исчезая безъ малѣшаго шума.

— Я слышала о васъ и видѣла васъ задолго до нашего знакомства,—говорилъ Погожевъ.—Это странно, но я даже васъ разыскивалъ, какъ настоящій сыщикъ, и имѣлъ, изъ-за васъ много непрѣятностей, ваше имя заставляло меня много волноваться. Удивительно, не правда ли?

— Какъ такъ? Расскажите, пожалуйста.

— Я разыскивалъ васъ въ Портъ-Артурѣ вмѣстѣ съ мистеромъ Тринклеромъ. Вышелъ довольно глупый анекдотъ. Вмѣсто васъ мы высѣдили другую ламу... Развѣ Пиргель вамъ не рассказывалъ?

— Нѣтъ, ужъ если вы начали,—просилъ говорить. Отъ меня Линъ-Чи что-то скрылъ?

— Хорошо, я скажу,—рѣшительно произнесъ штабъ-ротмистръ.—Но только потому, что вы этого хотите, а я не могу отказать вамъ... Баронъ фонъ-Кроффъ прѣѣхалъ требовать вашей выдачи, такъ какъ изъ-за вашего похищенія произошли какія то дипломатическія непрѣятности.

— Но меня никто не похищалъ,—воскликнула она, волнуясь и повышая голосъ.

— Что за вздоръ! Я сама ушла къ Линъ-Чи. Я съ вѣмъ давно знакома, еще въ Петербургѣ познакомилась, когда онъ учился въ офицерской школѣ. Потомъ встрѣчалась въ Пекинѣ. Если бы не ложный слухъ, будто Линъ-Чи казненъ, я, конечно, не стала бы госпожей Тринклеръ. Но мнѣ изъ Пекина дали знать, что ему отрубили голову за организацію дворцоваго мятежа. Я четыре года носила по немъ трауръ и, прі-

замѣтила, что признаніе это произвело на нее непрѣятное впечатленіе и боясь показаться ей со стороны плохой, онъ торопливо добавилъ:

— Вы не подумайте, что я шпионилъ. Сохрани Богъ! Я очнулся, подумалъ, что въ плену удаотая, и рѣшилъ бѣжать. Я даже не помню, какъ попалъ въ эту залу. И кроме того, сегодня утромъ о васъ мнѣ все рассказалъ тотъ дипломатъ, который почюю былъ у Линъ-Чи.

— А онъ почему обо мнѣ знаетъ?

— Но ведь вы причинили его прѣѣздъ.

— Я?

Штабъ-ротмистръ осѣкся. Ему стало очевидно, что Линъ-Чи скрывалъ отъ Клары условія барона фонъ-Бронфа. Андрей Яковлевичъ сбивчиво пробормоталъ:

— Простите меня, но это, вѣроятно, секретъ... То-есть, секретъ отъ васъ... Должно быть есть причины...

— Что вы говорите? Я ничего не понимаю.

— Я не имѣю права взять объясненія... Фу, Господи, какъ же я болтливъ, однако!—вырвалось у Погожева съ исподъдѣльными отчаяніемъ.

— Нѣтъ, ужъ если вы начали,—просилъ говорить. Отъ меня Линъ-Чи что-то скрылъ?

— Хорошо, я скажу,—рѣшительно произнесъ штабъ-ротмистръ.—Но только потому, что вы этого хотите, а я не могу отказать вамъ... Баронъ фонъ-Кроффъ прѣѣхалъ требовать вашей выдачи, такъ какъ изъ-за

вашего похищенія произошли какія то дипломатическія непрѣятности.

— Но меня никто не похищалъ,—воскликнула она, повысивъ голосъ.

— Что за вздоръ! Я сама ушла къ Линъ-Чи. Я съ вѣмъ давно знакома, еще въ Петербургѣ познакомилась, когда онъ учился въ офицерской школѣ. Потомъ встрѣчалась въ Пекинѣ. Если бы не ложный слухъ, будто Линъ-Чи казненъ, я, конечно, не стала бы госпожей Тринклеръ. Но мнѣ изъ

Пекина дали знать, что ему отрубили голову за организацію дворцоваго мятежа. Я четыре года носила по немъ трауръ и, прі-

замѣтила, что признаніе это произвело на нее непрѣятное впечатленіе и боясь показаться ей неизвестной. Все вышло такъ внезапно, что я согласилась не возвращаться къ мужу и, во избѣженіе скандала, просто не подавать о себѣ вѣстей. Теперь Пиргель занялся устройствомъ моихъ дѣлъ, онъ уполномоченъ подробно разскѣзать все г-ну Тринклеру. Здѣсь моя свободная воля, мой выборъ—Линъ-Чи совершенно ни въ чёмъ не виноватъ. А онъ вернется. Извѣстную вамъ даму возьмите пока подъ свое покровительство и спрячьте гденибудь въ безопасномъ мѣстѣ. А самое лучшее ей уѣхать. Если-бы вы запоздали и Линъ-Чи будешь разбитъ, то приложите всѣ усилия, чтобы спасти его и не дать увезти въ Портъ-Артуръ. Онь чрезвычайно нужный памъ человѣкъ! Надѣюсь на васъ и уѣрена, что вы все возможное сдѣлаете».

— Что же все это значитъ? Неужели вчерашие союзники хотятъ выдать Линъ-Чи китайскому правительству.

— Да, хотятъ. Еще сегодня утромъ этотъ Кройфъ предлагалъ мнѣ обманнымъ образомъ захватить васъ и полковника, но я отказалась.

Она по сказала благодарности—было не до того. Однако, глаза ей доложили обо всемъ этомъ лучше словъ.

— Что же теперь дѣлать?

— Разспросите своихъ слугъ и оставшихся людей полковника. Они навѣрно знаютъ, въ какую онъ пошелъ сторону. Непредупрѣженій, онъ навѣрно будетъ захваченъ врасплохъ.

— Заху!— позвала молодая женщина.

— Заху!

Слуга долго не появлялся, а затѣмъ раздался его голосъ, звукущий и громкий:

— Госпожа! Фынь-Хуанъ-Ченъ горитъ! Горитъ городъ! Все небо въ огнѣ!..

Онъ вѣжалъ красный отъ волненія и захлебывалъ радостно кричалъ:

— На дворѣ видно, какъ днемъ. Это наши тамъ, это полковникъ, нашъ полковникъ!

— Пойдемте, сказала Клара, взявъ штабъ-ротмистра за руку.

Заху уже поднялъ крышу балкона. Изъ-за островерхихъ сопокъ поднималось громадное зловѣщее зарево, охвативъ полье.

— Да, это Фынь-Хуанъ-Ченъ, сказать Погожевъ.

Несколько минутъ они стояли рядомъ и Клара не выпускала руки офицера изъ своихъ рукъ, дрожащихъ, страшящихъ потерять защиту.

— Какъ же теперь?—шептала она тревожно.—Вѣдь это казаки напали!..

У Погожева голосъ окрѣпъ и каждое движение вдругъ пріобрѣло какую то внушительность, власть.

— Сию же минуту объявите всѣмъ людямъ, чтобы они забрали оружіе и уходили. Скажите, что Линъ-Чи въ опасности. Пусть потихоньку сѣдѣть за вимъ и позже къ нему присоединятся... Бѣды!

— Куда?

— Со мною. Здесь вамъ оставаться нельзя. Можетъ быть еще до утра васъ захвачутъ. Сѣдѣйте же пожалуйста.

— Подождите меня здѣсь,—сказала она и, быстро на что то рѣшившись, пошла внизъ.

Заху, позвавъ ко мнѣ старшаго солдата, приказалъ Андрея Яковлевичъ.

Появился Андроновъ и проговорилъ:

— А здорово подняли городъ, вишброда. Ишь, жарить какъ! И полагаю, это не иначе, какъ хунхузъ, вишброда.

— Сотни пришли?

— Скорѣ должна быть. Съ полчаса послала.

— Скачи на вѣтрѣ, скажи, чтобы остановились и ждали меня на дорогѣ въ городу.

— Будемъ быть хунхузъ, вишброда?—съ любопытствомъ спросилъ вахмистръ.

— Быть не быть, а чтобы были ко всему готовы.

— Будьте благонадежны.

— Дуй живо.

— Слушаю-сы!

По глазамъ, по плотной фігуру Андронова, сразу подтанувшей и ставшей лише, было видно, что одно предвѣщаніе стычки съ хунхузами ему доставляется наслажденіе, вдувающе бодрость.

(Прод. слѣд.).

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.¹⁹⁾

В. Д. Нозлова.
(Продолжение).
XIX.

Вскоре вышла американка. Одетая в черную амазонку, в шляпу с узкими полами и с черным султанчиком, она показалась Погожеву еще красивей. Длинный подол в шлейф она держала в руки, другая была занята хлыстом и ридикюльчиком.

— Я не одела мужского костюма — к' че-
нум маскарад? Я уверена, что встретив ме-
ни въ такъ и въ нашем обществѣ, ни
дипломатъ этотъ, ни казачий генераль не
смѣлся взять меня подъ арестъ насили-
ем. Я свободная гражданска Америки, у
меня есть себѣ документы и никто не имѣ-
етъ права заставлять меняѣхать въ вашъ
Порт-Артуръ. Вѣдь такъ?

— Я даю. Хотѣ...

— Что?

— Баронъ скажетъ, что ему это приказа-
но, и увезетъ силой.

— Посмотримъ! — сказала она вызывающе.—
Ну, дадимъ мы!

— Вы предупредили здѣшнихъ людей?

— Да, я сказала главному служителю и
оставшимся караульнымъ.

— Тогда съ Богомъ. Позвольте миѣ это,
тамъ иѣшасть.

Андрей Иakovlevich потянулся изъ ри-
дикюля, американка отдала и, пытливо
глядя на него, сказала:

— Здесь мои документы, драгоценности
и денежные бумаги на несколько сотъ
тысячъ.

Испуганно онъ протянулъ ридикюль
обратно.

— О, въ такомъ случаѣ не надо! Возьми-
те его, пожалуйста, возьмите!

Но она разсѣялась и уже небрежно
бросила:

¹⁹⁾ См. «Киевлянинъ» № 151.

— Фи, глупость какая! Положите въ кар-
манъ, что ли. Какъ вы боязливы.

— Но... такая сумма! — Погожевъ первы-
тельно мѣлъ кожаный мѣшокъ въ рукахъ
и чувствовалъ, что для своей величины онъ
несоразмѣрно тяжелъ.

— Прячите же. Куда я его дѣла, — прого-
ворила она тономъ, не допускающимъ воз-
раженій, и добавила съ хорошей улыбкой:

— Ну, проявляйте же решительность, го-
лубчики...

По штабсъ-ротмистру остался серъезентъ.
— Несѣтьте, я сдѣлаю все, чтобы ваше
богатство не пропало. Я положу въ съ-
дельную сумку и, пока оно будетъ у меня,
не засну спокойно.

— Смѣшной вы, — отвѣтила она безпечно.

— Однако, пора.

Они спустились въ комнаты, прошли
длинную вереницу фанзъ и дворовъ, видѣ-
ли суетливо копошащихъ людей, тревожно
межу собою перекликающихся.

— Прягнуть добро, — подумалъ штабсъ-рот-
мистръ и, при выходѣ изъ воротъ, сказа-
лъ караульщикамъ. — Передай своимъ, что-
бы скорѣй уходили. Пусть за имущество не
беспокоятся — грабить не будутъ.

На дѣй глаубокой котловины зарева по-
ти не было видно, но когда поднялись на
вершину холма, они светило такъ, что мож-
но было читать книгу. Луна казалась кра-
сиватой и какой то тусклої.

Стрѣляли рѣдко, изъ чего Погожевъ
заключилъ, что казаки еще не пришли и
есть возможность предупредить Линъ-Чи.
Пограничники вѣстѣли въ узкую улицу.
Всѣ ворота были настежь, двери фанзы
мѣстами сорваны. Вооруженные китайцы
таскали какіе то узлы, кричали женщины,
то тамъ то здѣсь гремѣла одиничная
пальба.

Клара Тринклеръ видѣла отлично и
конь у неї былъ отличный, лучше лоша-
дей пограничниковъ. Сотна ждала въ пол-
номъ составѣ. Даже корнель Крыжковскій
сидѣлъ на лошади, хотя одна нога не была
обута и болталась безъ стремени.

Офицеры поклонились американкѣ, она
полна кивнула и пробѣхала впередъ рядомъ
съ Погожевымъ.

— Люди есть? — спросилъ командиръ.

— Всѣ. Сто пятьдесятъ четыре человѣка.
Слабаго Кожухова хотѣлъ было оставить
на попеченіе старшинѣ въ деревнѣ, но онъ
отказался и пошелъ въ строй.

— Садись! — сказала штабсъ-рот-
мистръ. — Сѣя по четыре ма-арши!

Шли перемѣнными аллюромъ. Зарево пы-
тало все ярче, вскорѣ стало допоситься
гуль, а затѣмъ этотъ гуль распался на
выстрѣлы, шумъ огня и крики людей.

— Тамъ, кажется, настоящій адъ, — сказа-
ла Клара. — Неужели это казаки напали
на Линъ-Чи.

— Не знаю. Можетъ быть, — отвѣтилъ Пог-
ожевъ.

— Бѣзъ все это нельзя...

Богда съ послѣднаго перевала откры-
лся городъ, то было въ самомъ дѣлѣ свѣт-
ло, какъ днемъ.

Однако, Фынь-Хуань-Ченъ горѣлъ да-
леко не весь.

Чемъ ближе къ площади, тѣмъ больше
толпилось народа. Въ одномъ мѣстѣ полу-
сотни наткнулась на диковину сцену. Двое
хунхузовъ волокли почти нагую китайку
за волосы. Она визгливо кричала и рвалась
изъ рукъ. Тутъ же еще пѣсколько человѣ-
къ привладами и саблями доколачивали
какого то мужчину, лишь слабо вскрики-
вавшаго и стонавшаго.

— Ахъ, вы скоты! — воскликнула штабсъ-
ротмистръ и налегъ на разбойниковъ.

Тѣ отбѣжали, но стали въ оборонитель-
ную позу, что то крича.

— Это чиновникъ!... Чиновниковъ пола-
гаются убивать! — разобралъ Погожевъ.

— Не трогать женщинъ! — грозно крикнула
онъ. — Вы должны быть солдатами, а не
разбойниками.

Тутъ только онъ и всѣ остальные раз-
смотрѣли, что у крыльца фанзы валился
и хрюпало, тоененько пищѣть ребенокъ.
Безъ пеленокъ, барахтаясь въ пыли голымъ
тѣльцемъ, онъ въ заревѣ пожара казался
какимъ то несчастнымъ забѣренышемъ,
брошеннымъ на растерзаніе круинамъ,
освирѣвшимъ чудовищамъ. Мать броси-
лась къ нему и прикрыла своимъ, тоже
почти обнаженнымъ тѣлонъ. Было въ этомъ
зрѣніи столько святого и вѣсты столько
жизненнаго, что у Погожева отъ бѣшенства
помутилось въ глазахъ и онъ, заглушенъ
невообразимымъ шумъ, рявкнулъ:

— Шашки вонъ!.. Въ атаку!

Большинство не знало. Вугливо они
бросали награбленный скарбъ и прятались
отъ ужаса глазами:

— Сумасшедший! Что вы дѣлаете! Они по
клочкамъ разорвутъ насъ!...

Нахмурившіеся пограничники сгрудились
тѣсной стѣной. Кони храпѣли, тяжелыя
кавалерійскія шашки блеснули грозной
щетиной.

— Шашки въ ножны!.. Рысью ма-аршъ!
— скомандовалъ опомнившійся штабсъ-рот-
мистръ.

Тушить пожаръ и отстапывать сие не
загорѣвшіеся фанзы было некому. Горожане
больше трепетали за жизнь, чѣмъ за
имущество. Огонь победно и гулко гре-
мѣлъ, сухое дерево пыпало безъ дыму, какъ
хорошо растопленіе дрова. У площади
стало такъ жарко, что, казалось, одежда
вѣтъ-вѣтъ вспыхнетъ.

Внезапно встрѣтили Линъ-Чи. Самъ въ
сѣдль и окруженный верховыми, онъ что
то кричалъ на серединѣ большого двора.
Когда подѣхали ближе, то увидѣли кар-
тину еще хуже, чѣмъ давнинная. Три человѣ-
ка валялись на землѣ связанные, а изъ-
скользу хунхузовъ ловко и изобрѣтательно
пытали ихъ огнемъ. Одинъ кричалъ, то-
скливо, длино, безнадежно. Остальные въ
корзахъ молчали.

Линъ-Чи замѣтилъ прѣхавшихъ. Измѣ-
нившись въ лицѣ, онъ сильно удариъ ло-
шадь шпорой, отчего она зарахнулась и
встала на дѣбы.

— Что тебѣ надо? Зачѣмъ ты здѣсь?
— спросилъ онъ женщину и, не ожидалъ от-
вѣта, обратился къ Погожеву съ худо-
сдѣржаніемъ бѣшенствомъ: — Потрудитесь, г.
офицеръ, объяснить, что это значитъ? За-
чѣмъ вы привезли эту даму?

Бѣзъ бы ее замѣтая ни толка атамана,
ни страшного дѣла, которымъ онъ былъ
занятъ, Андрей Иakovlevich подѣхалъ къ
нему вплотную и, по-китайски, чтобы не
поняли пограничники, сказалъ:

— Я получила письмо отъ подполковника.
Онъ приказалъ найти вѣсъ и сообщить,

что не позже завтрашняго утра вѣсъ обру-
жать, разбить и захватить въ пленъ

казаки нашей бригады. Немедленно спасай-
тесь, полковникъ Линъ-Чи. Дорога каждая
минута. Уходите къ Тунхуансину или изъ
корейскаго берега. О мѣстѣ пребыванія со-
общите подполковнику. Опѣ вѣсъ дѣлать
знатъ, когда будетъ возможно вернуться.

— И плюю на вашего подполковника! Это
измѣна! — крикнула Линъ-Чи въ лицѣ Пог-
ожеву.

Тотъ осадилъ коня и сдержало про-
изнести:

— Потишь, господинъ Линъ-Чи.

— Если война, то я вздерну на дереву
всѣхъ русскихъ, какъ я вѣтъ пошатнусь!..
И... и...

— Ну? — угрожающе спросилъ Андрей Иakov-
levich.

— Линъ! Умоляю тебѣ!.. — крикнула г.-жа
Тринклеръ и стала между офицеромъ и
хунхузомъ.

Линъ-Чи скрипнулъ зубами и пребор-
могъ съ палившимся кровью лицомъ:

— Зачѣмъ ты прѣхала? Кто звѣль тебя?
Сю же минуту подѣжалъ домой и бори это-
го непрошенаго дамскаго кавалера. Но
то!. Слышишь?..

Онъ круто повернуль коня и что то
скомандовалъ. Тотчасъ затрубилъ нѣсколь-
ко сигнальныхъ рожковъ. На огромный
дворъ новали хунхузы, вѣдь лопадъ въ
новоду.

Трехъ овальныхъ истерзанныхъ пѣн-
ыхъ бросили, не добивъ и не освободивъ.
Погожевъ взглянуль и въ одномъ узналь
дастая, въ другомъ помощника. Добродуш-
ное старое лицо его кривилось и онъ не могъ
сдержать тихихъ стоновъ боли. Особенно
мерзкое впечатление производилъ животъ
старого китайца. Черный, сплошь обож-
женный, онъ мѣстами зяль потрескавшимъ-
ся, кровоточащимъ мясомъ.

Пограничники поглядывали на собираю-
щихся хунхузовъ мрачно. Клара Трин-
клеръ, точно запороженая, не могла отор-
вать глазъ отъ трехъ страдальцевъ, была
блѣдна и все плотнѣе сжимались ея губы.

(Прод. стѣл.).

—Пойдемте,—трогая американку за руку, проговорил Погожев.

Она, наконец, оторвалась от страшного зрелища. В глазах, вневанно потемневших, мелькали жуткие огоньки.

—Дайте мне какуюнибудь бумагу и карандаш.

—Зачемъ вамъ?

—Дайте.

Погожевъ подалъ полевую книжку дневникъ. Энергично и быстро она написала несколько словъ, сложила и подозвала ближайшаго хунхуза.

—Передай полковнику Линъ-Чи.

Надъ ближней флангой взвился клубъ дыма и пламени. Она долго сопротивлялась надвигающемуся жару, но не устояла и разомъ, какъ съѣча, вспыхнула. Кони захрапали, шарахнулись.

—Пойдемте,—повторил Погожевъ.

—Да, да. Пора... И скорѣе. Слышиште!

Изъ двора выѣхали рысью, а американка торопитъ:

—Пожалуйста скорѣй. Слышиште же, скроите!

По главной улицѣ и дальше, вверхъ къ перевалу, скакали такъ, словно бы за полусотней гонится нечистая сила. Повидимому, Триклеръ знала, о чёмъ просила. Не достигли еще половины горы, какъ сзади раздался топотъ. Несколько пуль промежжало надъ головами, кто то вскрикнулъ.

—Кого задѣло? Опасно?—крикнулъ Погожевъ, не убывая хода.—Передай по радио голосомъ!

—Семенчука изъ второго взвода. Въ шею,—получился вскорѣ отвѣтъ.

На вершинѣ ждала вторая полусотня. Еще издали Погожевъ прокричалъ:

—Поручикъ Бѣлоткановъ! Отведите лошадей за прикрытие! Расположите людей цѣльно! Насъ преслѣдуютъ... Жарьте въ рожу!...

Взмѣненныхъ лошадей тотчасъ же передали коноводамъ и они увезли ихъ за гребень горы.

—Вамъ нельзя сюда. Идите за гору,—говорилъ штабсъ-ротмистръ женщинъ.

—Что за вздоръ! Почему вамъ можно, а мнѣ нельзя?

—И васъ прошу!

—Ахъ, оставьте меня въ покой!

—И умоляю васъ... Клянусь Богомъ, если я васъ не уберегу, если вы будете ранены—я застрѣлюсь.

Она пристально и близко всмотрѣлась въ лицо Андрея Яковлевича, словно бы стараясь прочесть—серъезно ли это онъ и почему такое волненіе? Затѣмъ протянула руку и сказала:

—Гм... Я думалъ, что Линъ-Чи искусный начальникъ,—говорилъ онъ Бѣлотканову.—Чему его учили въ Петербургѣ и въ Лондонѣ? Не войско, а сбродъ.

—Хорошо, я убду,—и добавила:—Спасибо.

Онъ проводилъ ее до коноводовъ, приказалъ охранять барыню и вернулся къ своимъ солдатамъ.

Тамъ уже шла форменная перестрѣлка. Хунхузы скакали по освѣщенной горѣ, спѣшившись и осыпали пограничниковъ пулами. Ихъ прибывало больше и больше. Повидимому, Линъ-Чи располагалъ по меньшей мѣрѣ тремя-четырьмя тысячами человѣкъ.

—Не дать ли знать въ казачью бригаду?—предложилъ Бѣлоткановъ, но командиръ отвергъ:

—Все равно до ночи ее не найти, такъ какъ она въ походѣ. До утра мы во всякомъ случаѣ продержимся.

Видно было, что атакой руководилъ опытный и знающій начальникъ. По одному, по несомнѣнно, хунхузы перебѣгали отъ камня къ камню, отъ прикрытия къ прикрытию. Эти перебѣгки незамѣтны, но и неотвратимо ближали разстояніе.

—Патроны не трать даромъ,—наставлялъ штабсъ-ротмистръ солдатъ.—Бей наѣврияка. Не хватить запасу—хоть живымъ отдавайся.

А хунхузы прибывали. Порой они такъ густо начинали налить, что проносился дождь звянящихъ и жужжащихъ пулекъ. О камни они сплющивались съ характернымъ острынкимъ стукомъ, подобнымъ тому, какъ щелкаетъ длинный бичъ въ рукахъ виртуоза-погонщика.

Андрей Яковлевичъ лежалъ за большой глыбой изъѣстника и думалъ:

—Что она ему написала? Отчего Линъ-Чи то хотѣлъ отпустить насть съ миромъ,

а то вдругъ сталъ преслѣдовать и вступить въ бои?..

Отъ города показались ряды конныхъ людей. Они шли такимъ правильнымъ строемъ, что Погожевъ принялъ ихъ было за казачьи сотни и обрадовался. Но вскорѣ выяснилось, что это тѣ же хунхузы. Шли они скоро, рысью. На поворотѣ, хорошо освѣщенномъ, Бѣлоткановъ разсмотрѣлъ предводителя и тревожно спазжалъ:

—Ого, самъ Линъ-Чи!

—Приготовиться къ атакѣ! Стой, ребята, спокойно! Не суетись зря, береги патронъ, а будешь куча—береги секунду!—крикнулъ Погожевъ.

Вахмистръ Андроновъ добавилъ:

—Развѣ это войско, братцы? Такъ—хунхузы!

Не сходя съ коней, поддержаны песятной ватагой пѣшихъ, китайцы бросились въверхъ. Они кричали, ободрая себя, безъ устали и безъ счета стрѣляли, ровь получился оглушительный. У Погожева же это обстоятельство вызвало хорошее расположіе.

—Гм... Я думалъ, что Линъ-Чи искусный начальникъ,—говорилъ онъ Бѣлотканову.—Чему его учили въ Петербургѣ и въ Лондонѣ? Не войско, а сбродъ.

Пограничники долго не отвѣчали наступающимъ. Ночью цѣлить трудно и они ждали того момента, когда можно быть безъ промаха. Хунхузъ это, повидимому, ободряло. Не отвѣчаютъ—значитъ слабы. Но сда въ разстояніе сблизилось шаговъ на двѣстѣ, какъ сто двадцать винтовокъ грохнули сразу. Пѣши метнулись въ сторону, давая дорогу конницѣ. Храпя и тяжело ударяя въ камни коньками, дошли пошли тѣмъ короткимъ, не ходкимъ намѣтомъ, какимъ онъ обыкновенно скакутъ въ гору.

Какъ пулеты, затрещали ружья пограничниковъ.

Спокойные, видавшіе виды, рубившіеся не разъ въ рукопашную, солдаты стрѣляли съ проворствомъ и точностью автоматическихъ машинъ. Цѣль была такъ близка и мицѣнь такъ велика, что ни одна пуля не пропадала. Кони бѣжали рѣзко, вскакивали на дыбы, опрокидывались, образуя груды и пробки на цепицкой дорогѣ. Но подоспѣвали пѣши, расчищали путь и спасали тажело, громоздко пылали снизу лавина живого мяса, Богъ вѣсть, какими побужденіями подгонялъ.

Утро началось въ дыму и копоти. Чернѣл гарь летѣла далеко въ горы и садилась на землю траурной пылью.

Пока въ сотнѣ перевязывали раненыхъ, Погожевъ сѣдѣлъ къ бригадному генералу и официально доложилъ о подобности про странство.

А хунхузы прибывали. Порой они такъ густо начинали налить, что проносился дождь звянящихъ и жужжащихъ пулекъ. О камни они сплющивались съ характернымъ острынкимъ стукомъ, подобнымъ тому, какъ щелкаетъ длинный бичъ въ рукахъ виртуоза-погонщика.

Андрей Яковлевичъ лежалъ за большой глыбой изъѣстника и думалъ:

—Что она ему написала? Отчего Линъ-Чи то хотѣлъ отпустить насть съ миромъ,

а то вдругъ сталъ преслѣдовать и вступить въ бои?..

Отъ города показались ряды конныхъ людей. Они шли такимъ правильнымъ строемъ, что Погожевъ принялъ ихъ было за казачьи сотни и обрадовался. Но вскорѣ выяснилось, что это тѣ же хунхузы. Шли они скоро, рысью. На поворотѣ, хорошо освѣщенномъ, Бѣлоткановъ разсмотрѣлъ предводителя и тревожно спазжалъ:

—Ого, самъ Линъ-Чи!

—Приготовиться къ атакѣ! Стой, ребята, спокойно! Не суетись зря, береги патронъ, а будешь куча—береги секунду!—крикнулъ Погожевъ.

Вахмистръ Андроновъ добавилъ:

—Развѣ это войско, братцы? Такъ—хунхузы!

Не сходя съ коней, поддержаны песятной ватагой пѣшихъ, китайцы бросились въверхъ. Они кричали, ободрая себя, безъ устали и безъ счета стрѣляли, ровь получился оглушительный. У Погожева же это обстоятельство вызвало хорошее расположіе.

—Гм... Я думалъ, что Линъ-Чи искусный начальникъ,—говорилъ онъ Бѣлотканову.—Чему его учили въ Петербургѣ и въ Лондонѣ? Не войско, а сбродъ.

Пограничники долго не отвѣчали наступающимъ. Ночью цѣлить трудно и они ждали того момента, когда можно быть безъ промаха. Хунхузъ это, повидимому, ободряло. Не отвѣчаютъ—значитъ слабы. Но сда въ разстояніе сблизилось шаговъ на двѣстѣ, какъ сто двадцать винтовокъ грохнули сразу. Пѣши метнулись въ сторону, давая дорогу конницѣ. Храпя и тяжело ударяя въ камни коньками, дошли пошли тѣмъ короткимъ, не ходкимъ намѣтомъ, какимъ онъ обыкновенно скакутъ въ гору.

Какъ пулеты, затрещали ружья пограничниковъ.

Погожевъ попробовалъ—отрывается. Заглянувъ въ одно отдѣленіе, но не нашелъ ничего интереснаго. Тамъ бумажки бѣлые и цѣлые. Посмотрѣлъ въ другое—и чуть не ахнулъ. Бриллианты, рубины, изумруды, въ оправѣ и просто такъ, засверкали на солнце чудесными переливами. Зыбащийся то искрами, то граневыми изломами—блескъ ихъ былъ нестерпимъ для глаза.

—Гм... Да!.. Это того!.. могъ только проныривать Андрей Яковлевичъ.

И бережно, какъ хрупкій корабликъ изъ воска, онъ закрылъ ридикюль, осмотрѣлъ замочки. Положить снова въ сѣдловый кабуръ онъ не рѣшился. Подумавъ, привязалъ бинтомъ черезъ шею и стала носить за пазухой, на груди. Исповѣдь и не красиво мѣшалъ топориша подъ кителемъ, точно какая то скрытая опухоль. Но штабсъ-ротмистра это не смущало. Зато онъ ежесекунду чувствовалъ довѣренное сю богатство и былъ поконченъ. Совершенно безъ злобы, даже привѣтливо и примирительно, онъ спросилъ Бѣлотканова:

—Но послушайте, Иванъ Ивановичъ, куда же она всетаки могла уѣхать?

У поручика еще не прошло чувство обиды.

—Не знаю-съ, не слышалъ-съ, отвѣтилъ онъ хмуро.

Доложили, что полусотня готова. Андрей Яковлевичъ тонсталъ въ первомъ залѣ.

—Однако вы съѣхали конвой...

—Даль-съ, по съ настоящей просьбѣ. Со слезами просила съ.

—Иванъ Ивановичъ, вѣдь это же, изненѣцъ, жестоко!—взмолился Погожевъ.—Вы видите, я мучаюсь и готовъ скакать чергъ знаеть куда!

—Уѣхала она, по моему мнѣнію, въ резиденцію этого разбойника. Такъ и говорила, что конвой ей надобенъ верстъ на пятидцать. Я даль десять человѣкъ подъ командой унтеръ-офицера Гладкова. Они таѣтъ прямо по этой дорогѣ и пойхали. А больше что же я знаю?

Бесконная ночь, передряга съ хунхузами и послѣднее извѣстіе обѣтъ отѣзда генерала Триклеръ весьма живописно разрисованы физиономію Андрея Яковлевича. Подъ глазами обозначились темные круги, отъ крыльевъ носа пошли два глубокія складки, усы повисли. Солдаты клевали носами даже на рисы.

—Эй, молодчики, чего пригорюнились?—съ кажущейся бодростью крикнулъ командиръ.—А ну-ка, пѣсни. Да пограй!

Песенники откашлялись. Чтобы подбодрить людемъ куражу, онъ совсѣмъ весело добавилъ:

—Еще успѣхъ отоспаться!.. За сегодняшнюю ночь кресты выдадутъ. А отъ меня первой полусотни особенко по цѣлковому на рыло. Вали погромче!..

Но притворная веселость не обманула солдатъ. Попробовали шуточную—не попала. Тогда це скованивалъ, по собствен-

ному побужденію, теперь высоко и рѣдко затянула:

Что ты, сунженецъ, не весель, Беззаботный удалецъ? Что ты голову повѣсишь? Али пустъ твой гаманецъ?

Подхватили семидесять здоровыхъ гло-токъ и тяжело, тоскливо, какъ чайка подъ коршуномъ, забилась пѣсня про сунженца, потерявшаго въ бою своего отца—атамана Слѣпцева.

Аль сердешная кручина Завелася у тебя? Аль измѣнница—дѣвченка Въ часъ условный не пришла?

Аль свою коня лишился Въ молодомъ зломъ бою? Али съ другомъ распростился Въ басурманскомъ ты краю?

Это горе—нѣть не горе! Непривычнъ мы такъ жить, Чтобъ по вѣтrenной дѣвченкѣ Сокрушаться и тужить.

Пѣсня шла и шла, разсказывая простыя вещи и простую скорбь. Погожевъ слушалъ и мыслилъ его сами собою настроился на скорбный ладъ.

Что онъ со своею любовью въ прекрасной американкѣ? Смѣшилъ, полусумасшедший человѣкъ. То чуть не уложилъ изъ-за нелѣсъ сотню, теперь, не давъ людямъ вздохнуть, вѣтчалъ куда-то, можетъ быть снова на смерть. Кожавалъ сумочка—только предлогъ!. Чего же онъ пишетъ, чего добивается? Къ чему все мечтанья, всѣ муть разума, весь сумбуръ бредовыхъ ночей? Она и не взглянула на штабсъ-ротмистра Погожева. Уѣхала и не нашла нужнѣмъ даже проститься!..

А пѣсня все рѣдала, разсказывая о томъ, какъ казачью гордость, казачью солице—генерала Слѣпцева—уложила изъ-за вала вражеской пыли, какъ его носъ на бурѣ, какъ „собравъ остатки силы“, онъ заѣщалъ свою волю вѣрнымъ сунженцемъ.

У простыхъ казачьихъ пѣсень, особенно старо

СТРАНА ЭКЗОТИКИ.

В. Д. Мозлова.

(Окончание *).

XXI.

Погожевъ не сумѣлъ бы точно разобраться въ томъ, когда окончилась письма и когда начался спускъ въ знакомую котловину, на чеъ окончились его скорбныя думы и изъ чего вытекла тревога, овладѣвшая имъ при видѣ знакомыхъ строеній хунхузскаго лагеря. Трудно человѣческому мозгу услѣдить за тобъ безпрерывной сильной угасающей и зарождающейся, которая имеется разумной жизнью. Даже невозможна уладить. Всѣ давить безысходное горе, вѣдь кажется, что ему нѣтъ предѣла, а между тѣмъ какая то затервавшаяся кѣтка подъ ванилью черепомъ уже зачала радость. Вы этого даже не подозрѣваете, но въ мозговомъ вашемъ аппаратѣ идетъ борьба, радость растетъ, ширится, побѣждастъ и, вдругъ, волной заливъ весь разумъ вашъ, это ощущеніе радости начисто сметаетъ тусклыя мысли о горѣ. Вы хотѣли бы еще погоревать, можетъ быть это даже обязательно по правиламъ общежитія, но ликуетъ тѣло, паритъ духъ и все рисуется розовымъ. Не угодно ли разобраться—откуда что началось.

Впрочемъ, эти разсужденія не волновали Андрея Иковлевича. Онъ смотрѣлъ въ котловину и какое то предчувствіе бѣды заставило шпорить коня, даже пускать въ ходъ стѣкъ.

Дорога на половинѣ спуска дѣлала крутой поворотъ, огибая скалу. Едва полусотня вышла за край поворота, какъ двое ёдущихъ впереди дозорныхъ крикнули:

—Наши ёдутъ на встрѣчу.

Погожевъ вихремъ вынесся впередъ. Въ полуверстѣ онъ увидѣлъ линию ёдущихъ пограничниковъ во главѣ съ Гладковымъ.

—Ну, что—проводили? Гдѣ барына? —крикнулъ онъ издали.

Унтер-офицеръ досталъ изъ фуражки письмо и, подавая, доложилъ:

—Такъ точно, вашбродъ, проводили до самыхъ воротъ. Потомъ барыня сама вышла, подали это письмо, сказали, моль, командиру и поклонились на водку. Всѣ были

подѣльствъ то всѣ сотней. Опосля мы поклонились.

—Сколько дала?—любопытствовали пограничники, пока штабъ-ротмистръ возился съ письмомъ.

—Здорово братъ. Пятьсотъ! Богатая!

—Маршъ—маршъ!—скомандовалъ вдругъ Погожевъ и съ мѣста пустилъ карьеромъ.

То, что написано было на небольшомъ клюкѣ бумаги, наполнило душу Андрея Иковлевича ужасомъ, хотя и заключалось въ нѣсколькохъ словахъ.

«Милый Погожевъ, прощайте. Въ сердцѣ пусто, я умираю, жаждя лишь вѣсъ и, если буду думать о чёмъ нибудь въ мигъ смерти, то о вѣсѣ. Любите меня, милый Погожевъ. Право же, я больше заслуживаю этого, чѣмъ мінъ выпало въ жизни. Любите меня. Клара».

Истомившись за ночь кони скакали тяжело. Но вотъ стѣны, вотъ знакомыя ворота.

—Ждать! — коротко кинулъ солдатамъ Андрей Иковлевичъ и скрылся во дворѣ.

Шокинутый городокъ имѣлъ хмурый видъ. Гулко звучали шаги по плитамъ дворовъ, еще рѣзче по деревяннымъ поламъ. Кое-что изъ утвари было спрятано, убрано, сорвано.

На всемъ лежала печать поспѣшнаго бѣгства.

Погожевъ пролетѣлъ сквозь нѣсколько фанзъ, миновалъ нѣсколько двориковъ и заблудился.

—Заху! —крикнулъ онъ издали.

Опять вернулся, снова пошелъ, припомненная мало знакомую дорогу. Всѣ людскія фанзы и вѣсѣ дворы походили другъ на друга. Но вдругъ штабъ-ротмистръ подмѣтилъ что, то знакомое. Благодаря большая зала, въ которой онъ случайно подслушалъ разговоръ Линъ-Чи съ дипломатическимъ чиновникомъ. Этую же залу онъ проходилъ, когда впервые былъ у хунхуза. Значитъ сюда. Вотъ, наконецъ, комнаты Линъ-Чи.

—Ми... милый Погожевъ, говорить она. Милый Погожевъ. И рада... Любите меня, милый Погожевъ... Помните обо мнѣ...

Онъ наклонился такъ, что ухо его почти касается ея рта. Губы шевелатся. Андрей Иковлевичъ напрягаетъ всю силу слуха. —Ми... милый Погожевъ, говорить она. Милый Погожевъ. И рада... Любите меня, милый Погожевъ... Помните обо мнѣ... Какъ смыкатъ?..

Наугадъ Погожевъ идетъ то въ одномъ направлении, то въ другомъ. Терпѣніе истощается. Если帮忙, онъ заплакалъ бы. Отъ безплодности поисковъ въ этомъ лабиринѣ онъ то скрежещетъ зубами, то гоготъ завѣтъ, злобно и дико, по-звѣриному.

*) См. „Китайский“ № 155.

—Заху! Заху!..

А время обѣжть. Боже, какое время! Какъ возвратить его!..

И неожиданно, когда ему казалось, что въ эту дверь онъ входилъ уже не разъ, открылись комнаты американки. Какъ безумный Андрей Иковлевичъ пробѣгаетъ гостиную, что-то въ родѣ восточной диванной, столовой, спальни. Постель не смыта. Заглядываетъ въ маленькую дверь—вани. На широкой, обтянутой кожей, скамье брошена черная амазонка—значитъ здесь недавно была Клара. Но гдѣ же она, гдѣ?

Онъ еще и еще бѣгаѣтъ по всѣмъ комнатаамъ и, наконецъ, вскрикиваетъ:

—О, болванъ! А балконъ! Балконъ же!.. и мчится наверхъ, спотыкаясь, падая.

Балконъ открыть изъ западь. Погожевъ простоялъ, затанѣлъ дыханіе и на носкахъ сапогъ подходитъ къ качалкѣ.—Клара, говорить онъ тихо.—Клара, что съ тобой?

«Вы» не пошло бы съ языка. Въ широкой свободной одеждѣ, блѣдна и прекрасна, г-жа Тринклеръ не шевельнулась.

—Клара, скажи же мнѣ—что съ тобой?

Онъ опустился на колени и дотрогивалъ сначала рукой, а затѣмъ губами до ся пальцевъ. Они бѣлы и холодны, но онъ чувствуетъ, что это не холода смерти.

—Очишись, Клара! Это я, Клара!.. Клара!—вскрикиваетъ онъ громко.

И словно бы отвѣчалъ на призывъ тоски и страха, она медленно открывала глаза. Губы ся что-то шепчутъ, шевелятся.

—Клара, это я. Вѣдь мнѣ можно прійти сюда? Клара, ты меня слышишь?

Опять что-то шепчутъ губы.

—Говори же, Клара... Говори! Сѣдѣй усиѣ. Что ты припѣла? Ахъ, Боже мой, говори же, Клара!..

Онъ наклонился такъ, что ухо его почти касается ея рта. Губы шевелатся. Андрей Иковлевичъ напрягаетъ всю силу слуха.

—Ми... милый Погожевъ, говорить она. Милый Погожевъ. И рада... Любите меня, милый Погожевъ... Помните обо мнѣ... Какъ смыкатъ?..

—Увидите, уйдите!—а потомъ что-то зашепталъ.

Бѣлоткановъ наклонился къ тому то бѣзуму въ качалкѣ и махалъ поручику рукой, какъ бы желая сказать:

—Клара! Проснись, пора... Проснись, Клара!

Онъ наклонился къ тому то бѣзуму въ качалкѣ и махалъ поручику рукой, какъ бы желая сказать:

—Увидите, уйдите!—а потомъ что-то зашепталъ.

Бѣлоткановъ наклонился и прислушался.

—Клара! Проснись, пора... Проснись, Клара!

Онъ наклонился къ тому то бѣзуму въ качалкѣ и махалъ поручику рукой, какъ бы желая сказать:

—Увидите, уйдите!—а потомъ что-то зашепталъ.

—Возьмите руки... руки... возьмите, все слабѣй шепчутъ ся губы.

—Что руки? Зачѣмъ руки? спрашивается онъ, силясь понять.—Куда руки.

Онъ береть, цѣлуетъ, дышеть на стыпные пальцы, но она хочетъ не этого.

—Возьмите же руки... обнять... возьмите... кажется, онъ понялъ: осторожно положилъ ея руки себѣ на плечи и скрестилъ за спиной, сзади.

Дѣлая страшное усилие, она широко открываетъ чудесные глаза и скимаетъ Андрея Иковлевича, а затѣмъ глаза моркнутъ, тихо закрываются.

—Клара, живи!.. Клара, очинись, скажи мнѣ, что ты сдѣлала, чѣмъ тебѣ помочь?.. Клара! Клара!

—Лю... люби... Милый Погожевъ... еще разъ шепчутъ ея губы.

Потомъ онъ еще и еще кричитъ, молитъ, цѣлуетъ ея лицо, и прислушивается—шепотъ больше нѣть.

Такъ проходитъ много времени. Онъ боится шевельнуться, чтобы не разбудить спящую. Еще бы! Она такъ утомилась за эту страшную ночь! И ему хочется уснуть...

Бакое это будетъ счастье: онъ проснется, какъ уснуль, обнѣтый ею!.. Только бы—Боже сохрани—не спугнуть ея руки неловкимъ движеніемъ...

Но въ слѣдующий моментъ штабъ-ротмистръ и самъ грохнулся на полъ. Изъ незажившій еще раны на руки пошла кровь и омочила рукавъ.

Оробѣвшіе солдаты подняли своего командира, понесли. Бѣлоткановъ до того растерялся, что ушелъ съ сотней, даже не снявъ покойницу съ кресла. Только на четвертый день трупъ ся былъ найденъ и преданъ землѣ.

Тутъ и конецъ сему экзотическому пребыванію, слабѣйшимъ мѣстомъ котораго было то, что весь онъ взялъ изъ жизни и авторъ, считавъ съ исторіей фактъ, боялся давать волю фантазіи.

XII.

Нѣгъ, не конецъ, впрочемъ.

Въ одномъ изъ бѣдныхъ указовъ отъ конца 1901 или начала 1902 года вы можете найти финаль биографіи Линъ-Чи. Суть указа такая.

Извѣстный атаманъ хунхузовъ Линъ-Чи, голова котораго была дорого оценена, поднялъ восстание на югѣ Китая, но былъ разбитъ правительственными войсками и бѣжалъ. Тогда, имѣя въ своемъ распоряженіи четыре вооруженныхъ пиратскихъ напохода и груза тоннъ изъ пятидесяти

дюжокъ, Линъ-Чи явился въ Чифу. Бѣлоткановъ

възвѣщеніемъ этой флотилѣ порть, конечно, выказалъ атаману всевозможную покорность. Поднялась масса черни, началась грабежъ. Линъ-Чи посадили въ золоченое кресло и носили по городу, съ громомъ фанфаръ, литавръ и пушечными салютами. Чифускій даотай со всѣмъ чиновничествомъ участвовалъ въ торжественномъ чествованіи хунхузскаго предводителя. Однѣко, это былъ лишь дипломатический маневръ. Ночью Линъ-Чи былъ схваченъ и ему въ его постели отрубили голову, которая и красовалась въ Пекинѣ на главной плошади въ теченіе мѣсяца. Флотилія же его была частью потоплена, частью разстрѣлана имперскими крейсерами.

Это Линъ-Чи.

Что касается Погожева, то онъ за отлівъ въ японской войнѣ недурно двинулъ ся въ чинахъ и до нашихъ дней продолжаетъ находиться въ строю. О своей любви въ вообще о томъ періодѣ, когда онъ служилъ въ пограничной стражѣ—рассказываетъ рѣдко и лишь задушевнѣшнимъ друзьямъ.

Знавшіе его раньше утверждаютъ, что маньчжурскій романъ оставилъ неизгладимый следъ въ его характерѣ. Подавляющее большинство людей, слышавшихъ рассказъ мною исторію, называютъ одинъ день въ жизни Погожева—днемъ феноменальной глупости. Это когда онъ вручилъ мистеру Тринклеру все богатство, хранившееся въ сумочкѣ умершей Клары Тринклеръ. Тамъ было свыше позумиллона на пашни деньги и одѣжь драгоцѣнностей на полтораста тысячъ. Но онъ—отдать, все отдать.

Странный человѣкъ!..

Нашлись и убѣди двухъ боевъ мистера Тринклера. Оказалось, что Клара подарила имъ за услуги денегъ, кошелекъ и кое-какія бездѣлушки. Этотъ подарокъ сперва навлекъ на нихъ подозрѣніе американца, а затѣмъ послужилъ приманкой для убѣдъ въ опекуризмѣ.

Что же касается остальныхъ действующихъ лицъ, то большинство изъ нихъ благополучно здравствуетъ понынѣ, а потому пускаться въ подробности о ихъ судьбѣ нужно съ большой осторожностью.

Вообще, писать о живыхъ—неблагодарный и тяжелый трудъ.

Примечания

Виктор Данилович Козлов (? – ?) — журналист, беллетрист. Автор книг *В тылу у японцев: (Набег партизанов в Корею). Дневник военного корреспондента* (СПб., 1904, 1905), *Очерки и рассказы из минувшей войны* (СПб., 1906), сборников *Пустяшные рассказы* (СПб., 1907), *Морские рассказы* (СПб., 1910), *Рассказы* (СПб., 1911), *Под грозою* (Пг., 1915), романов *Шпион* (СПб., 1910), *Счастье* (СПб., 1915) и т.д.

Повесть *Страна экзотики* публиковалась с перерывами в №№ 126 (1912, 6 мая) — 156 (1912, 7 июня) газеты *Киевлянин*. Сканы выполнены Национальной библиотекой Украины им. В. И. Вернадского. В главке XIV при сканировании обрезана нижняя строка текста.

Произведение обнаружено А. А. Степановым.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.